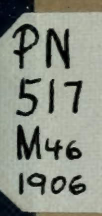

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00265238 6

PN
517
M46
1906

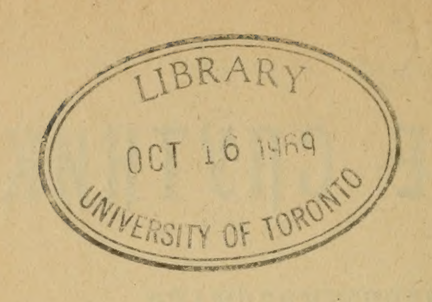
ВѢЧНЫЕ СПУТНИКИ

Д. МЕРЕЖКОВСКАГО

ПУШКИНЪ

3-е изданіе

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. Пирожкова
1906

Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., № 71—6.

I

„Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное—пишетъ Гоголь въ 1832 году—и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ той-же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла". Въ другомъ мѣстѣ Гоголь замѣчаетъ: „въ послѣднее время набрался онъ много русской жизни и говорилъ обо всемъ такъ мѣтко и умно, что хоть записывай всякое слово: оно стоило его лучшихъ стиховъ; но еще замѣчательнѣе было то, что строилось внутри самой души его и готовилось освѣтить передъ нимъ еще больше жизнь".

Императоръ Николай Павловичъ, въ 1826 году, послѣ перваго свиданія съ Пушкинымъ, которому было тогда 27 лѣтъ, сказалъ гр. Блудову: „Сегодня утромъ я бесѣдовалъ съ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ Россіи". Впечатлѣніе огромной умственной силы Пушкинъ, повидимому, производилъ на всѣхъ, кто съ нимъ встрѣчался и способенъ былъ его понять. Французскій посолъ Барантъ, человѣкъ умный и образованный, одинъ изъ постоянныхъ собесѣдниковъ кружка А. О. Смирновой, говорилъ о Пушкинѣ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ, утверждая, что онъ—„*великій мыслитель*", что „онъ мыслитъ, какъ опытный государственный мужъ". Также относились къ

нему и лучшіе русскіе люди, современники его: Гоголь, кн. Вяземскій, Плетневъ, Жуковскій. Однажды, встрѣтивъ у Смирновой Гоголя, который съ жадностью слушалъ разговоръ Пушкина и отъ времени до времени заносилъ слышанное въ карманную книжку, Жуковскій сказалъ: „Ты записываешь, что говоритъ Пушкинъ. И прекрасно дѣлаешь. Попроси Александру Осиповну показать тебѣ ея замѣтки, потому что каждое слово Пушкина драгоцѣнно. Когда ему было восемнадцать лѣтъ, онъ думалъ, какъ тридцатилѣтній человѣкъ: умъ его созрѣлъ гораздо раньше, чѣмъ его характеръ. Это часто поражало насъ съ Вяземскимъ, когда онъ былъ еще въ лицеѣ".

Впечатлѣніе ума, дивнаго по ясности и простотѣ, болѣе того—впечатлѣніе истинной *мудрости* производитъ и образъ Пушкина, нарисованный въ *Запискахъ Смирновой*. Современное русское общество не оцѣнило книги, которая во всякой другой литературѣ составила бы эпоху. Это непониманіе объясняется и общими причинами: первороднымъ грѣхомъ русской критики—ея культурной неотзывчивостью, и частными—тѣмъ упадкомъ художественнаго вкуса, эстетическаго и философскаго образованія, который, начиная съ 60-хъ годовъ, продолжается донынѣ и вызванъ проповѣдью утилитарнаго и тенденціознаго искусства, проповѣдью такихъ критиковъ, какъ Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ. Одичаніе вкуса и мысли, продолжающееся полвѣка, не могло пройти даромъ для русской литературы. Слѣдъ мутной волны черни, нахлынувшей съ такою силою, чувствуется и понынѣ. Авторитетъ Писарева поколебленъ, но не палъ. Его отношеніе къ Пушкину кажется теперь варварскимъ; но и для тѣхъ, которые говорятъ явно противъ Писарева, наивный ребяческій задоръ демагогическаго критика все еще сохраняетъ нѣкоторое обаяніе. Грубо-утилитарная точка зрѣнія Писарева, въ которой чувствуется смѣлость и раздраженіе дикаря передъ созданьями непонятной

ему культуры, теперь анахронизмъ: эта точка зрѣнія замѣнилась болѣе умѣренной—либерально-народнической, съ которой Пушкина, пожалуй, можно оправдать въ недостаткѣ политической выдержки и прямоты. Тѣмъ не менѣе, Писаревъ, какъ привычное тяготѣніе и склонность ума, все еще таится въ безсознательной глубинѣ многихъ современныхъ критическихъ сужденій о Пушкинѣ. Писаревъ, Добролюбовъ, Чернышевскій вошли въ плоть и кровь некультурной русской критики: это—грѣхи ея молодости, которые не легко прощаются. Писаревъ, какъ представитель русскаго варварства въ литературѣ, не менѣе націоналенъ, чѣмъ Пушкинъ, какъ представитель высшаго цвѣта русской культуры.

Пушкинъ—великій мыслитель, мудрецъ,—съ этимъ, кажется, согласились-бы немногіе даже изъ самыхъ пламенныхъ и суевѣрныхъ его поклонниковъ. Всѣ говорятъ о народности, о простотѣ и ясности Пушкина, но до сихъ поръ никто, кромѣ Достоевскаго, не дѣлалъ даже попытки найти въ поэзіи Пушкина стройное міросозерцаніе, великую мысль. Эту сторону вѣжливо обходили, какъ-бы чувствуя, что благоразумнѣе не говорить о ней, что такъ выгоднѣе для самого Пушкина. Его не сравниваютъ ни со Львомъ Толстымъ, ни съ Достоевскимъ: вѣдь тѣ—пророки, учителя или хотятъ быть учителями, а Пушкинъ *только* поэтъ, *только* художникъ. Въ глубинѣ почти всѣхъ русскихъ сужденій о Пушкинѣ, даже самыхъ благоговѣйныхъ, лежитъ заранѣе составленное и только изъ уваженія къ великому поэту не высказываемое убѣжденіе въ нѣкоторомъ легкомысліи и легковѣсности пушкинской поэзіи, побѣждающей отнюдь не силою мысли, а прелестью формы. Въ сравненіи съ музою Льва Толстого, суровою, тяжко-скорбною, вопіющею о смерти, о вѣчности,—легкая, свѣтлая муза Пушкина, эта рѣзвая „шалунья“,—„вакханочка“, какъ онъ самъ ее называлъ,—кажется такою немудрою, такою не серьезною. Кто-бы могъ сказать, что она мудрѣе мудрыхъ?

Вотъ почему не повѣрили Смирновой. Пушкинъ, подобно Гете, разсуждающій о міровой поэзіи, о философіи, о религіи, о судьбахъ Россіи, о прошломъ и будущемъ человѣчества,—это было такъ ново, такъ странно и чуждо заранѣе составленному мнѣнію, что книгу Смирновой постарались не понять, стали замалчивать, или по обычаю русской журналистики, которая мало выиграла со временъ Булгарина, непристойно вышучивали, выискивали въ ней ошибокъ, придирались къ мелкимъ неточностямъ, чтобы доказать, что собесѣдница Пушкина не заслуживаетъ довѣрія, а ея отношеніе къ Николаю I сочли неблаговиднымъ съ либеральной точки зрѣнія. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что русское общество до сихъ поръ не имѣетъ своего мнѣнія о книгахъ и ходитъ на помочахъ у критики. Еще разъ, черезъ 60 лѣтъ послѣ смерти, великій поэтъ оказался не по плечу своей родинѣ, еще разъ восторжествовалъ духъ Булгарина, духъ Писарева, ибо оба эти духа родственнѣе другъ другу, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Но книга Смирновой имѣетъ свое будущее: въ бесѣдахъ съ лучшими людьми вѣка Пушкинъ недаромъ бросаетъ сѣмена неосуществленной русской культуры. Когда наступитъ не академическій и не лицемѣрный возвратъ къ Пушкину, когда у насъ явится, наконецъ, критика, т. е. культурное самосознаніе народа, соотвѣтствующее величію нашей поэзіи,—*Записки Смирновой* будутъ оцѣнены и поняты, какъ живые завѣты величайшаго изъ русскихъ людей будущему русскому просвѣщенію.

Историческое значеніе этой книги заключается въ томъ, что воспроизводимый ею образъ Пушкина-мыслителя какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ образу, который таится въ необъясненной глубинѣ законченныхъ созданій поэта и отрывковъ, намековъ, замѣтокъ, писемъ, дневниковъ. Для внимательнаго изслѣдователя неразрывная связь и даже совпаденіе этихъ двухъ образовъ есть неопровержимое доказатель-

ство истинности пушкинскаго духа въ *Запискахъ Смирновой,* каковы-бы ни были ихъ внѣшніе промахи и неточности. Пушкинъ и здѣсь, и тамъ—и въ своихъ произведеніяхъ и у Смирновой,—одинъ человѣкъ, не только въ главныхъ чертахъ, но и въ мелкихъ подробностяхъ, въ неуловимыхъ оттѣнкахъ личности. Нерѣдко Пушкинъ у Смирновой объясняетъ мысль, на которую намекалъ въ недоконченной замѣткѣ своихъ дневниковъ, и, наоборотъ—мысль, которая брошена мимоходомъ въ бесѣдѣ со Смирновой, становится ясной только въ связи съ нѣкоторыми рукописными набросками и замѣтками. Смирнова открываетъ намъ глаза на Пушкина, разоблачаетъ въ немъ то, что мы, такъ сказать, видя—не видѣли, слыша—не слышали. Передъ нами возникаетъ не только живой Пушкинъ, какимъ мы его знаемъ, но и Пушкинъ будущаго, Пушкинъ недовершенныхъ замысловъ,—такой, какимъ мы его предчувствуемъ по геніальнымъ откровеніямъ и намекамъ. Дѣлается понятнымъ, откуда и куда онъ шелъ, открывается высшая ступень просвѣтлѣнія, которой онъ не достигъ, но уже достигалъ. Еще шагъ, еще усиліе — и Пушкинъ поднялъ и вынесъ-бы русскую поэзію, русскую культуру на міровую высоту. Въ это мгновеніе завѣса падаетъ, голосъ поэта умолкаетъ навѣки, и въ сущности вся послѣдующая исторія русской литературы есть исторія довольно робкой и малодушной борьбы за пушкинскую культуру съ нахлынувшею волною демократическаго варварства, исторія могущественнаго, но односторонняго воплощенія его идеаловъ, медленнаго угасанія, паденія, смерти Пушкина въ русской литературѣ.

Трудность обнаружить міросозерцаніе Пушкина заключается въ томъ, что нѣтъ одного, главнаго произведенія, въ которомъ поэтъ сосредоточилъ бы свой геній, сказалъ міру все, что имѣлъ сказать, какъ Данте—въ *Божественной комедіи,* какъ Гете—въ *Фаустѣ.* Наиболѣе совершенныя созданія Пушкина не даютъ полной мѣры его силъ: внима-

тельный изслѣдователь отходитъ отъ нихъ съ убѣжденіемъ, что поэтъ выше своихъ созданій. Подобно Петру Великому, съ которымъ онъ чувствовалъ глубокую связь, Пушкинъ былъ не столько совершителемъ, сколько начинателемъ русскаго просвѣщенія. Въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ закладываетъ онъ фундаменты будущихъ зданій, пролагаетъ дороги, рубитъ просѣки. Романъ, повѣсть, лирика, поэма, драма—всюду онъ изъ первыхъ или первый, одинокій или единственный. Ему такъ много надо совершить, что онъ торопится, переходитъ отъ замысла къ замыслу, покидаетъ недоконченными величайшія созданія. *Мѣдный всадникъ*, *Русалка*, *Галубъ*, *Драматическія сцены*—только геніальные наброски. *Евгеній Онѣгинъ* обрывается—и заключительные стихи недаромъ полны предчувствіемъ безвременнаго конца,

Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
    Бокала полнаго вина,
Кто недочелъ ея романа,
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

Передъ смертью Пушкинъ хотѣлъ вернуться къ *Онѣгину*—не потому, чтобы этого требовалъ сюжетъ поэмы, но онъ чувствовалъ, что слишкомъ многое оставалось невысказаннымъ. Иногда, нѣсколькими строками чернового наброска, намекаетъ онъ на цѣлую невѣдомую сторону души своей, на цѣлый міръ, ушедшій съ нимъ навѣки. Пушкинъ—не Байронъ, которому достаточно 25 лѣтъ, чтобы прожить человѣческую жизнь и дойти до предѣловъ бытія. Пушкинъ—Гете, спокойно и величественно развивающійся, медленно зрѣющій; Гете, который умеръ-бы въ 37 лѣтъ, оставивъ міру *Вертера* и несвязанные отрывки первой части *Фауста*. Вся поэзія Пушкина—такіе отрывки, membra disjecta, разбросанные гармоническіе члены, сбломки міра, создатель котораго умеръ.

Теперь стою я, какъ ваятель
Въ своей великой мастерской.
Передо мной—какъ исполины,
Недовершенныя мечты!
Какъ мраморъ, ждутъ онѣ единой
Для жизни творческой черты...
Простите-жъ, пышныя мечтанья!
Осуществить я васъ не могъ!..
О, умираю я, какъ богъ
Средь начатого мірозданья!

Смерть Пушкина—не простая случайность. Драма съ женою, очаровательною Nathalie, и ея милыми родственниками—ничто иное, какъ въ усиленномъ видѣ драма всей его жизни: борьба генія съ варварскимъ отечествомъ. Пуля Дантеса только довершила то, къ чему постепенно и неминуемо вела Пушкина русская дѣйствительность. Онъ погибъ, потому что ему некуда было дальше идти, некуда рости. Съ каждымъ шагомъ впередъ къ просвѣтлѣнію, возвращаясь къ сердцу народа, все болѣе отрывался онъ отъ такъ называемаго „интеллигентнаго" общества, становился все болѣе одинокимъ и враждебнымъ тогдашнему среднему русскому человѣку. Для него Пушкинъ весь былъ непонятенъ, чуждъ, даже страшенъ, казался „кромѣшникомъ", какъ онъ самъ себя называлъ съ горькой ироніей. Кто знаетъ?—если-бы не защита государя, можетъ быть, судьба его была-бы еще болѣе печальной. Во всякомъ случаѣ, преждевременная гибель—только послѣднее звено роковой цѣпи, начало которой надо искать гораздо глубже, въ первой молодости поэта.

Когда читаешь жизнеописаніе Гете, убѣждаешься, что подобное творчество есть взаимодѣйствіе народа и генія. Здѣсь сказалась возвышенная черта германскаго народа: умѣніе чтить великаго, лелѣять и беречь его, уравнивать ему всѣ пути. Пушкина Россія сдѣлала величайшимъ изъ русскихъ людей, но не вынесла на міровую высоту, не отвое-

вала ему мѣста рядомъ съ Гете, Шекспиромъ, Данте, Гомеромъ—мѣста, на которое онъ имѣетъ право по внутреннему значенію своей поэзіи. Можетъ быть, во всей русской исторіи нѣтъ болѣе горестной и знаменательной трагедіи, чѣмъ жизнь и смерть Пушкина.

Политическія увлеченія его были поверхностны. Впослѣдствіи онъ искренне каялся въ нихъ, какъ въ заблужденіяхъ молодости. Въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ менѣе всего былъ рожденъ политическимъ бойцомъ и проповѣдникомъ. Онъ дорожилъ свободою, какъ внутреннею стихіею, необходимою для развитія генія. Тѣмъ не менѣе, въ страшныхъ испытанныхъ имъ гоненіяхъ, поэтъ имѣлъ случай познать мѣру того варварства, съ которымъ ему суждено было бороться всю жизнь. Лѣтомъ 1824 года Пушкинъ пишетъ изъ Одессы, въ порывѣ отчаянія: „Я усталъ подчиняться хорошему или дурному пищеваренію того или другого начальника; мнѣ надоѣло видѣть, что на моей родинѣ обращаются со мною менѣе уважительно, нежели съ любымъ англійскимъ балбесомъ, пріѣзжающимъ предъявлять намъ свою пошлость, неразборчивость и свое бормотаніе". Въ черновомъ наброскѣ письма изъ ссылки къ императору Александру Благословенному, письма, написаннаго въ серединѣ 1825 года и не отосланнаго, Пушкинъ объясняетъ государю: „Въ 1820 году разнесся слухъ, будто я былъ отвезенъ въ канцелярію и высѣченъ. Слухъ былъ общимъ и до меня дошелъ до послѣдняго. Я увидалъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ. На меня нашло отчаяніе; я метался въ стороны, мнѣ было 20 лѣтъ. Я соображалъ, не слѣдуетъ-ли мнѣ прибѣгнуть къ самоубійству... Я рѣшился высказывать столько негодованія и наглости въ своихъ рѣчахъ и своихъ писаніяхъ, чтобы наконецъ власть вынуждена была обращаться со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири или крѣпости, какъ возстановленія чести".

„На меня и суда нѣтъ. Я hors de loi,—пишетъ онъ Жу-

ковскому осенью 24 года изъ Михайловскаго. — Шутка эта (столкновенiе поэта съ отцомъ) пахнетъ каторгой... Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ".

Сохранилась оффицiальная бумага Пушкина къ псковскому губернатору, генералу фонъ-Адеркасъ: „Рѣшаюсь для спокойствiя моего отца и своего собственнаго просить его императорское величество, да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства".

Въ самомъ дѣлѣ Пушкинъ находился на краю гибели.

Было бы совершенно несправедливо на основанiи этихъ данныхъ дѣлать изъ него политическаго страдальца, тайнаго революцiонера. Многое въ тогдашнихъ увлеченiяхъ его и крайностяхъ слѣдуетъ приписать юношеской силѣ воображенiя, необузданной страстности темперамента. Но, съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы русская дѣйствительность встрѣтила величайшаго изъ русскихъ людей привѣтливо. Вотъ кстати изъ бiографiи поэта одна подробность, которая можетъ казаться мелочной, но вѣдь изъ такихъ ничтожныхъ культурныхъ подробностей слагается та окружающая среда, въ которой генiй растетъ или погибаетъ. У Пушкина была болѣзнь сердца; слѣдовало сдѣлать операцiю. Онъ молилъ, какъ милости, позволенiя уѣхать заграницу. Ему отказали, предоставивъ лѣчиться у В. Всеволодова — автора „Сокращенной патологiи скотоврачебной науки"—„очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по своей книгѣ о леченiи лошадей", замѣчаетъ Пушкинъ. Представьте себѣ Гете, которому пришлось бы лѣчиться отъ аневризма у ветеринара.

Изъ первой борьбы съ русскимъ варварствомъ поэтъ вышелъ побѣдителемъ. Въ романтическихъ скитанiяхъ по степямъ Бессарабiи, по Кавказу и Тавридѣ находитъ онъ новые невѣдомые звуки на своей лирѣ. Теперь онъ чувствуетъ жажду безпредѣльной внутренней свободы, которую противо-

полагаетъ пустотѣ и ничтожеству всѣхъ внѣшнихъ политическихъ формъ:

Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все-ли намъ равно? Богъ съ ними!.. Никому
Отчета не давать; *себѣ лишь самому*
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! Вотъ права!

Потребность этой „высшей свободы“ привела Пушкина ко второму столкновенію съ русскимъ варварствомъ, менѣе страстному и бурному, чѣмъ его политическія увлеченія, но болѣе глубокому и безысходному, — столкновенію, которое было главною внутреннею причиною его преждевременной гибели. Многозначительны въ устахъ Пушкина слѣдующія слова, даже если они вырвались въ минуту необдуманнаго раздраженія: „Я конечно презираю отечество мое съ головы до ногъ, но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мной это чувство“. (Письмо къ Вяземскому изъ Пскова, 1826).

А вотъ другое, болѣе хладнокровное, но не менѣе безотрадное сужденіе объ условіяхъ русской культуры. Эти строки, прямо идущія отъ сердца, пишетъ онъ о своемъ другѣ Баратынскомъ, хотя невольно чувствуется, что Пушкинъ говоритъ здѣсь и о себѣ самомъ: „Поэтъ отдѣляется отъ нихъ (отъ читателей) и мало по малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе, и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ“. Пушкинъ отмѣчаетъ отсутствіе критики и общаго мнѣнія у русской публики: „У насъ литература не есть по-

требность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ писателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ, какъ о политической экономіи, о политической экономіи, какъ о музыкѣ, т. е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частью по личнымъ разсчетамъ... Правда, что довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя насмѣшки,—тѣмъ не менѣе ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе".

Лучшимъ показателемъ той культурной атмосферы, въ которой приходилось дѣйствовать Пушкину, можетъ служить его отношеніе къ типическому представителю русской пошлости въ журналистикѣ, Булгарину. Поэтъ пишетъ Плетневу о *Повѣстяхъ Бѣлкина*, которыя считаетъ болѣе благоразумнымъ печатать анонимно: „подъ моимъ именемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ. И такъ русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу!"—По поводу неуспѣха романа Булгарина *Выжигинъ*, поэтъ восклицаетъ съ недоумѣніемъ: „Выжигинъ приплылъ и въ Москву, гдѣ, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Неужели мы вразумили публику? Или сама догадалась, голубушка? А кажется Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать".

Борьба приняла особенно мучительныя формы, когда духъ пошлости вошелъ въ его собственный домъ въ лицѣ родственниковъ жены. У Наталіи Гончаровой была наружность Мадонны Перуджино и душа созданная, чтобы услаждать долю петербургскаго чиновника тридцатыхъ годовъ. Пушкинъ чувствовалъ, что приближается къ развязкѣ, къ послѣднему дѣйствію трагедіи.

„Nathalie неохотно читаетъ все, что онъ пишетъ.—замѣчаетъ А. О. Смирнова — семья ея такъ мало способна цѣнить Пушкина, что нѣсколько болѣе довольна съ тѣхъ поръ,

какъ государь сдѣлалъ его исторіографомъ Имперіи и въ особенности камеръ-юнкеромъ. Они воображаютъ, что это дало ему положеніе. Этотъ взглядъ на вещи заставляетъ Искру (Пушкина) скрежетать зубами и въ то-же время забавляетъ его. Ему говорили въ семьѣ жены: „*наконецъ то вы, какъ всѣ!* У васъ есть оффиціальное положеніе, впослѣдствіи вы будете камергеромъ, такъ какъ государь къ вамъ благоволитъ".

Незадолго передъ смертью онъ говорилъ Смирновой, собиравшейся за границу: „увезите меня въ одномъ изъ вашихъ чемодановъ, вашъ же бояринъ Николай меня соблазняетъ. Не далѣе какъ вчера онъ совѣтовалъ мнѣ поговорить съ Государемъ, сообщить ему о всѣхъ моихъ невзгодахъ, просить заграничнаго отпуска. Но все семейство подниметъ гвалтъ. Я смотрю на Неву и мнѣ безумно хочется доплыть до Кронштадта, вскарабкаться на пароходъ... Еслибы я это сдѣлалъ, что бы сказали? Сказали бы: онъ корчитъ изъ себя Байрона. Мнѣ кажется, что мнѣ сильнѣе хочется уѣхать *очень, очень далеко*, чѣмъ въ ранней молодости, когда я просидѣлъ два года въ Михайловскомъ, одинъ на одинъ съ Ариной, вмѣсто всякаго общества. Впрочемъ, у меня есть предчувствія, я думаю, что уже недолго проживу. Со времени кончины моей матери я много думаю о смерти, я уже въ первой молодости много думалъ о ней".

19 октября 1836 года, придя на свой послѣдній лицейскій праздникъ, Пушкинъ извинился, что не докончилъ обычнаго годового стихотворенія и самъ началъ читать его:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче, и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды

И юности, и всѣхъ ея затѣй.
Теперь не то...

Онъ не кончилъ—слезы полились изъ глазъ его, и стихи были дочитаны однимъ изъ товарищей. Тѣ, кто могутъ себѣ представить его необычайную бодрость, ясность духа, никогда не измѣнявшую ему жизнерадостность, должны понять, что̀ значатъ эти предсмертныя слезы Пушкина.

Народъ и геній такъ связаны, что изъ одного и того-же свойства народа проистекаетъ и слабость и сила производимаго имъ генія. Низкій уровень русской культуры—причина не довершенности пушкинской поэзіи—въ тоже время благопріятствуетъ той особенности его поэтическаго темперамента, которая дѣлаетъ русскаго поэта въ извѣстномъ отношеніи единственнымъ даже среди величайшихъ міровыхъ поэтовъ. Эта особенность—простота.

Высокая степень культуры можетъ быть опасной для источниковъ поэтическаго чувства, удаляя насъ отъ того ночного, безсознательнаго и непроизвольнаго, во что погружены, чѣмъ питаются корни всякаго творчества. Музы любятъ утреннія сумерки, подстерегаютъ первое пробужденіе народовъ къ сознательной жизни. Для возникновенія великаго искусства необходима нѣкоторая свѣжесть и первобытность впечатлѣній, молодость, даже дѣтскость народнаго генія.

Пушкинъ—поэтъ такого народа, только что проснувшагося отъ варварства, но уже чуткаго, жаднаго ко всѣмъ формамъ культуры, несомнѣнно предназначеннаго къ участію въ міровой жизни духа.

Гете чувствовалъ потребность освободиться отъ всѣхъ искажающихъ призмъ, отъ тысячелѣтней пыли человѣческой культуры, вернуться къ первобытной ясности созерцанія. Вотъ почему старался онъ приблизиться къ простотѣ древнихъ грековъ; конечно, это — чистѣйшая призма, но все-таки—призма.

Пушкинъ—единственный изъ новыхъ міровыхъ поэтовъ—

ясенъ, какъ древніе эллины, оставаясь сыномъ своего вѣка. Въ этомъ отношеніи онъ едва-ли не выше Гете, хотя не должно забывать, что Пушкину приходилось сбрасывать съ плечъ гораздо болѣе легкое бремя культуры, чѣмъ германскому поэту.

„Сочиненія Пушкина, — говоритъ Гоголь—гдѣ дышетъ у него русская природа, такъ же тихи и безпорывны, какъ русская природа. Ихъ только можетъ совершенно понимать тотъ, чья душа такъ нѣжно организована и развилась въ чувствахъ, что способна понять неблестящія съ виду русскія пѣсни и русскій духъ; потому что чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина“.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
Прядетъ, и зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучинка передъ ней.

Съ такою именно простотою описываетъ Гомеръ картины эллинской жизни, также не заботясь о прекрасномъ,—разсказывая, какъ его герои ѣдятъ, спятъ, умываются, какъ царская дочь Навзикая полощетъ бѣлье на рѣчкѣ, — и все выходитъ прекраснымъ, какъ изъ рукъ Творца. Не все-ли равно: унылые и уютные зимніе пейзажи русской деревни или цвѣтущіе острова Іоническаго моря? — оба художника

смотрятъ на міръ дѣтскими, полными любопытства глазами. Для нихъ нѣтъ нашего раздѣленія на прозу и поэзію, на будни и праздники, на красивое и некрасивое. Все прекрасно, все необычайно: земля и небо какъ будто только-что созданы. И легкіе узоры мороза на стеклахъ, и веселыя сороки на дворѣ, и горы, устланныя блистательнымъ ковромъ зимы, и крестьянская лошадка, плетущаяся рысью, и ямщикъ въ тулупѣ, и мальчикъ, посадившій жучку въ салазки,—все это даетъ ощущеніе такой свѣжести, такой радости, какія бываютъ только въ первоначальномъ дѣтствѣ. Въ поэзіи Пушкина и Гомера чувствуется спокойствіе природы. Здѣсь и вдохновеніе — не восторгъ, а послѣднее безмолвіе страсти, послѣдняя тишина сердца. Пушкинъ, какъ мыслитель, хорошо сознавалъ эту необходимость спокойствія во всякомъ творчествѣ, и эти слова, въ которыхъ онъ противополагаетъ вдохновеніе восторгу, можетъ быть, даютъ ключъ къ самому сердцу его музы: „Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ спокойствіе, необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго“.

Въ XIX вѣкѣ, наканунѣ шопенгауэровскаго пессимизма, проповѣди усталости и буддійскаго отреченія отъ жизни, Пушкинъ въ своей простотѣ — явленіе единственное, почти невѣроятное. Въ наступающихъ сумеркахъ, когда лучшими людьми вѣка овладѣваетъ ужасъ передъ будущимъ и смертельная скорбь, Пушкинъ одинъ преодолѣваетъ дисгармонію

Байрона, достигаетъ самообладанія, вдохновенія безъ восторга и веселія въ мудрости—этого послѣдняго дара боговъ.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, вакхальны припѣвы!..
. . . .
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Вотъ мудрость Пушкина. Это—не аскетическое самоистязаніе, жажда мученичества, во что-бы-то ни стало, какъ у Достоевскаго; не покаянный плачъ о грѣхахъ передъ вѣчностью, какъ у Льва Толстого; не художественный нигилизмъ и нирвана въ красотѣ, какъ у Тургенева; это — заздравная пѣсня Вакху во славу жизни, вѣчное солнце, золотая мѣра вещей—красота. Русская литература, которая и въ дѣйствительности вытекаетъ изъ Пушкина и сознательно считаетъ его своимъ родоначальникомъ, измѣнила главному его завѣту: „да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!" Какъ это странно! Начатая самымъ свѣтлымъ, самымъ жизнерадостнымъ изъ новыхъ геніевъ, русская поэзія сдѣлалась поэзіей мрака, самоистязанія, жалости, страха смерти. Шестидесяти лѣтъ не прошло со дня кончины Пушкина — и все измѣнилось. Безнадежный мистицизмъ Лермонтова и Гоголя; самоуглубленіе Достоевскаго, похожее на бездонный, черный колодезь; бѣгство Тургенева отъ ужаса смерти въ красоту, бѣгство Льва Толстого отъ ужаса смерти въ жалость—только рядъ ступеней, по которымъ мы сходили все ниже и ниже, въ „страну тѣни смертной".

Такимъ онъ былъ и въ жизни: простой, веселый, менѣе всего походившій на суроваго проповѣдника или философа,—этотъ безпечный арзамасскій „Сверчокъ", „Искра",—малень-

кій, подвижный, съ безукоризненнымъ изяществомъ манеръ и сдержанностью свѣтскаго человѣка, съ негритянскимъ профилемъ, съ голубыми глазами, которые сразу мѣняли цвѣтъ, становились темными и глубокими въ минуты вдохновенья. Такимъ описываетъ его Смирнова. Тихія бесѣды Пушкинъ любитъ обрывать смѣхомъ, неожиданною шуткою, эпиграммою. Между двумя разговорами объ исторіи, религіи, философіи, всѣ члены маленькаго избраннаго общества веселятся, устраиваютъ импровизированный маскарадъ, бѣгаютъ, шалятъ, смѣются, какъ дѣти. И самый рѣзвый изъ нихъ, зачинщикъ самыхъ веселыхъ школьническихъ шалостей—Пушкинъ. Онъ всѣхъ заражаетъ смѣхомъ. „Въ тотъ вечеръ—записываетъ однажды Смирнова—Сверчокъ (т. е. Пушкинъ) такъ смѣялся, что Марья Савельевна, разливая чай, объявила ему, что когда будетъ умирать—для храбрости пошлетъ за нимъ".

Въ немъ нѣтъ и слѣда литературнаго педантизма и тщеславія, которымъ страдаютъ иногда и очень сильные таланты. Пушкинъ всегда недоволенъ своими произведеніями: онъ признается Смирновой, что всего прекраснѣе ему кажутся тѣ стихи, которые случается видѣть во снѣ и которыхъ невозможно запомнить. Онъ работаетъ надъ формой, гранитъ ее, какъ драгоцѣнный камень. Но, когда стихотвореніе кончено, не придаетъ ему особенной важности, мало заботится о томъ, что скажутъ оцѣнщики. Искусство для него—вѣчная игра. Онъ лелѣетъ неуловимые звуки—не писанныя строки. Поверхностнымъ людямъ, привыкшимъ воображать себѣ генія въ торжественномъ ореолѣ, такое отношеніе къ искусству кажется легкомысленнымъ. Но людей, знающихъ умъ и сердце Пушкина, эта дѣтская простота очаровываетъ. „Пушкинъ прочиталъ намъ стихи,—говоритъ Смирнова,—которые я и передамъ Государю, когда они будутъ переписаны, а пока онъ кругомъ нарисовалъ чертиковъ и каррикатурные портреты. Я никого не встрѣчала, кто бы

придавалъ себѣ меньшее значенiе. Онъ напишетъ образцовое произведенiе, а на поляхъ нарисуетъ чертенка и собственную каррикатуру въ видѣ негра въ память предка Ганнибала“.

Этою веселостью проникнуты и сказки, подслушанныя поэтомъ у старой няни Арины, и письма къ женѣ, и эпиграммы, и посланiя къ друзьямъ, и *Евгенiй Онѣгинъ*. Нѣкоторые критики считали величайшiй изъ русскихъ романовъ подражанiемъ байронову *Донъ-Жуану*. Несмотря на внѣшнее сходство формы, я не знаю произведенiй болѣе отличныхъ другъ отъ друга по духу. Веселая мудрость Пушкина не имѣетъ ничего общаго съ ѣдкою иронiею Байрона. Веселость Пушкина--лучезарная, играющая, какъ пѣна волнъ, изъ которыхъ вышла Афродита. Въ сравненiи съ нимъ, всѣ другiе поэты кажутся тяжкими и мрачными—онъ одинъ, свѣтлый и легкiй, почти не касаясь земли, скользитъ по ней, какъ эллинскiй богъ...

Онъ вѣчно тотъ-же, вѣчно новый,
Онъ звуки льетъ—они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго аи
Струя и брызги золотые.

Пушкинъ не закрываетъ глазъ на уродство и пошлость обыкновенной жизни. Описавъ смерть Ленскаго, поэтъ задумывается надъ участью безвременно погибшаго романтика. котораго

Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну и для насъ
Погибъ животворящiй гласъ.
И за могильною чертою

Къ ней не домчится гимнъ временъ,
Благословенія племенъ.

Но Пушкинъ никогда не кончаетъ лиризмомъ; тотчасъ-же показываетъ онъ другую сторону жизни:

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли-бы юношества лѣта,
Въ немъ пылъ души-бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ-бы измѣнился,
Разстался-бъ съ музами, женился,
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носилъ-бы стеганный халатъ.
Узналъ-бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру-бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И наконецъ въ своей постели
Скончался-бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

Этотъ ужасъ обыкновенной жизни русскій поэтъ преодолѣваетъ не брезгливымъ, холоднымъ презрѣніемъ, подобно Гете, не желчной ироніей, подобно Байрону,—а все тою-же свѣтлою мудростью, вдохновеніемъ безъ восторга, непобѣдимымъ веселіемъ:

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О, юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары,
Благодарю тебя. Тобою
Среди тревогъ и въ тишинѣ
Я насладился... и вполнѣ,—
Довольно! *Съ ясною душою*
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

Вотъ какъ выражается то же настроеніе въ переводѣ на будничную прозу: „Опять хандришь—пишетъ онъ Плетневу изъ Царскаго Села въ 1831 году.—Эй, смотри: хандра хуже холеры, одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди, умретъ и Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ рости, выростетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши старыя хрычовки, а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята; мальчики будутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ-то и любо. Вздоръ, душа моя... Были-бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы“.

Цѣна всякой человѣческой мудрости испытывается на отношеніи къ смерти.

Вотъ другой великій писатель. Всю жизнь отдалъ онъ одной цѣли. Дѣлалъ неимовѣрныя усилія надъ собой; надъ всѣми соблазнами міра писалъ страшныя слова: „*Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ*“; разрушалъ всѣ милыя, легкія преграды жизни, чтобы заглянуть въ лицо смерти; подобно древнимъ аскетамъ, отрекался не только отъ мяса, вина, женщинъ, славы, денегъ, но и отъ искусства, науки, отечества, отъ всякой человѣческой дѣятельности, отъ всякаго движенія воли; заставилъ участвовать міръ въ своей агоніи. Сколько поколѣній заразилъ онъ своимъ ужасомъ, измучилъ своими терзаніями! И что-же? Купилъ-ли онъ евангельскую жемчужину? Побѣдилъ-ли онъ смерть? Мы не знаемъ. Но каждый разъ, какъ онъ говоритъ людямъ: „вотъ мудрость, другой нѣтъ,—не ищите; я успокоился, я не боюсь больше смерти, и вы не бойтесь“—каждый разъ, сквозь утѣшительныя слова, все яснѣе ощущается холодъ ужаса. Все безобразнѣе нечеловѣческій крикъ предсмертной агоніи Ивана Ильича. И несмотря на всѣ успокоенія, евангельскія притчи,

буддійскія кармы,—смерть, которую возвѣщаетъ онъ людямъ, становится все проще, все страшнѣе.

Пушкинъ говоритъ о смерти спокойно, какъ люди, близкіе къ природѣ, какъ древніе эллины и тѣ русскіе мужики, безстрашью которыхъ Толстой завидуетъ. „Правъ судьбы законъ. Все благо: бдѣнія и сна приходитъ часъ опредѣленный. Благословенъ и день заботъ, благословенъ и тьмы приходъ“.

„Я много думаю о смерти“, признается онъ Смирновой. Объ этомъ-же говорится въ одномъ изъ лучшихъ его стихотвореній:

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

Но постоянная дума о смерти не оставляетъ въ сердцѣ его горечи, не нарушаетъ ясности его души:

Пируйте-же, пока еще мы тутъ,
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ;
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальній сиротѣетъ,
Судьба глядитъ; мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему.
. . . .
Покамѣсть упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію друзья!..

Онъ не жертвуетъ для смерти ничѣмъ живымъ. Онъ любитъ красоту, и сама смерть плѣняетъ его „красою тихою, блистающей смиренно“, какъ осени „унылая пора, очей очарованье“. Онъ любитъ молодость, и молодость для него торжествуетъ надъ смертью:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое... Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,

Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь...

Онъ любитъ славу, и слава не кажется ему суетной даже передъ безмолвіемъ вѣчности:

Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было-бъ грустно міръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ,
Но я бы кажется желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

Онъ любитъ родную землю:

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать.

Онъ любитъ страданія, и въ этомъ его любовь къ жизни достигаетъ послѣдняго предѣла:

Но не хочу, о други, умирать:
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.

Среди скорбящихъ, бьющихъ себя въ грудь, проклинающихъ, дрожащихъ передъ смертью, какъ будто изъ другого, міра, изъ другого вѣка, доносится къ намъ божественное дыханіе пушкинскаго героизма и веселія:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Если предвѣстники будущаго Возрожденія не обманываютъ насъ, то человѣческій духъ отъ старой, плачущей, перейдетъ къ этой новой мудрости, ясности и простотѣ, завѣщаннымъ искусству Гете и Пушкинымъ.

II

Достоевскій отмѣтилъ удивительную способность Пушкина пріобщаться ко всякимъ, даже самымъ отдаленнымъ культурнымъ формамъ, чувствовать себя какъ дома у всякаго народа и времени. Авторъ *Преступленія и Наказанія* видѣлъ въ этой способности характерную особенность русскаго племени, предназначеннаго для объединенія враждующихъ человѣческихъ племенъ въ единой міровой жизни духа, основанной на христіанской любви. Достоевскій взялъ мысль Гоголя, только расширивъ и углубивъ ее. „Чтеніе поэтовъ всѣхъ народовъ и вѣковъ порождало въ немъ (Пушкинѣ) откликъ,—говоритъ Гоголь,—и какъ вѣренъ его откликъ, какъ чутко его ухо! Слышишь запахъ, цвѣтъ земли, времени, народа. Въ Испаніи онъ испанецъ, съ Грекомъ—грекъ, на Кавказѣ—вольный горецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; съ отжившимъ человѣкомъ онъ дышетъ стариною времени минувшаго; заглянетъ къ мужику въ избу—онъ русскій весь съ головы до ногъ; всѣ черты нашей природы въ немъ отозвались, и все окинуто иногда однимъ словомъ, однимъ чутко найденнымъ и мѣтко прибраннымъ прилагательнымъ именемъ“.

Способность Пушкина перевоплощаться, переноситься во всѣ вѣка и народы свидѣтельствуетъ о могуществѣ его культурнаго генія. Всякая историческая форма жизни для него понятна и родственна, потому что онъ овладѣлъ, подобно Гете, первоисточниками всякой культуры. Гоголь и Достоевскій полагали эту объединяющую культурную идею въ христіанствѣ. Но мы увидимъ, что міросозерцаніе Пушкина шире новаго мистицизма, шире язычества. Если Пушкинъ не примиряетъ этихъ двухъ началъ, то онъ, по крайней мѣрѣ, подготовляетъ возможность грядущаго примиренія.

Ни Гоголь, ни Достоевскій не отмѣтили въ творчествѣ Пушкина одной характерной особенности, которая, однако,

отразилась на всей послѣдующей русской литературѣ: Пушкинъ первый изъ міровыхъ поэтовъ съ такою силою и страстностью выразилъ вѣчную противоположность культурнаго и первобытнаго человѣка. Эта тема должна была сдѣлаться однимъ изъ главныхъ мотивовъ русской литературы.

Уже Баратынскій, сверстникъ Пушкина, высказывалъ сомнѣнія въ благахъ культуры и знанія. Противоположеніе спокойствія и красоты природы суетѣ и уродству людей— вотъ главный источникъ поэзіи Лермонтова. Тютчевъ еще болѣе углубилъ этотъ мотивъ, отыскавъ въ самомъ сердцѣ человѣка древній хаосъ—то дикое, страшное, ночное, что отвѣчаетъ изъ глубины нашей природы на голоса стихій, на завываніе урагана, который „понятнымъ сердцу языкомъ твердитъ о непонятной мукѣ, и ноетъ, и взрываетъ въ немъ порой неистовые звуки".

Поэзію первобытнаго міра, которую русскіе лирики выражали мало доступнымъ, таинственнымъ языкомъ,—русскіе прозаики превратили въ боевое знамя, въ поученіе для толпы, въ благовѣстіе. Достоевскій противополагаетъ культурѣ „гнилого Запада" вселенское призваніе русскаго народа, великаго въ своей простотѣ. Вся проповѣдь Достоевскаго ничто иное какъ развитіе мистическихъ настроеній Гоголя, какъ призывъ прочь отъ культуры, основанной на выводахъ безбожной науки,—призывъ къ отреченію отъ гордости разума, къ смиренію, къ „безумію во Христѣ". Наконецъ, сомнѣнія въ благахъ западной культуры—неясный шопотъ Сибиллы у Баратынскаго—Левъ Толстой превратилъ въ громовый воинственный кличъ; любовь къ природѣ Лермонтова, его пѣсни о безучастной красотѣ моря и неба— въ „четыре упряжки", въ полевую работу; христіанство Достоевскаго и Гоголя, далекое отъ дѣйствительной жизни, священный огонь пожиравшій ихъ сердца—въ страшный циклопическій молотъ, направленный противъ главныхъ устоевъ современнаго общества. Но всего замѣчательнѣе,

что это русское возвращеніе къ природѣ—русскій бунтъ противъ культуры, первый выразилъ Пушкинъ, величайшій геній культуры среди нашихъ писателей:

Когда-бъ оставили меня
На волѣ, какъ-бы рѣзво я
    Пустился въ темный лѣсъ!
Я пѣлъ-бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался-бы въ чаду
    Нестройныхъ чудныхъ грезъ.
И силенъ, воленъ былъ-бы я,
Какъ вихорь, роющій поля,
    Ломающій лѣса.
И я-бъ заслушивался волнъ,
И я глядѣлъ-бы счастья полнъ,
    Въ пустыя небеса.

Это—жажда стихійной свободы, неудовлетворяемая никакими формами человѣческаго общежитія, тоска по родинѣ, тяготѣніе къ хаосу, изъ котораго вышелъ духъ человѣка и въ который онъ долженъ вернуться. Не все-ли равно, правильно или беззаконно построены стѣны темницы? Всякая внѣшняя культурная форма есть насиліе надъ свободою первобытнаго человѣка. Звѣрь въ клѣткѣ, вѣчный узникъ, смотритъ онъ сквозь тюремную рѣшетку на дикаго товарища, вскормленнаго на волѣ молодого орла, который

Зоветъ его взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: „давай улетимъ!
Мы—вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ лишь вѣтеръ да я!"

Вотъ идеалъ свободы, отъ вѣка заключенный въ сердцѣ человѣческомъ, выраженный съ такой простотою и ясностью, какія свойственны только поэзіи Пушкина. Въ концѣ своей жизни онъ задумывалъ поэму изъ народнаго быта—*Стенька Разинъ*, героическій образъ котораго давно уже преслѣдо-

валъ и плѣнялъ его. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ жизни, въ которой проявлялось-бы большее невниманіе и неспособность ко всякимъ твердымъ, законченнымъ построеніямъ, чѣмъ русская жизнь. Нѣтъ пейзажа, въ которомъ-бы чувствовалось больше простора и воли, чѣмъ наши степи и лѣса. Нѣтъ пѣсни болѣе унылой, покорной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе поражающей взрывами разгула и возмущенія, чѣмъ русская пѣсня. Какова пѣсня народа—такова и литература: явно проповѣдующая смиреніе, жалость, непротивленіе злу, въ тайнѣ мятежная, полная постоянно возвращающимся бунтомъ противъ культуры. Самый свѣтлый и жизнерадостный изъ русскихъ писателей—Пушкинъ включаетъ въ свою гармонію звуки изъ пѣсенъ молодого народа, полуварварскаго, застигнутаго, но неукрощеннаго ни византійской, ни западной культурою, все еще близкаго къ своей природѣ.

Впервые коснулся Пушкинъ этого мотива въ лучшей изъ юношескихъ поэмъ своихъ—въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ*. Плѣнникъ—первообразъ Алеко, Евгенія Онѣгина, Печорина—русскихъ представителей міровой скорби:

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ,
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, *другъ природы*;
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.
Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.

Плѣнникъ самъ о себѣ говоритъ любящей его дѣвушкѣ:

Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымный,
Забытый средь пустыхъ долинъ.

Это безсиліе желать и любить, соединенное съ неутолимой жаждой свободы и простоты,—истощеніе самыхъ родниковъ жизни, окаменѣніе сердца, есть ничто иное, какъ знакомая намъ болѣзнь культуры, проклятье людей, слишкомъ далеко отошедшихъ отъ природы. Плѣнникъ, можетъ быть, и хотѣлъ-бы, но уже не умѣетъ раздѣлить съ дикой черкешенкой ея простую любовь, также какъ Евгеній Онѣгинъ не умѣетъ отвѣтить на дѣвственную любовь Татьяны, какъ Алеко не понимаетъ первобытной мудрости стараго цыгана:

Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою...
Какъ тяжко мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи, полныя слезами,
Улыбкой хладною встрѣчать!

Недугъ, порождаемый условностями человѣческаго общежитія, еще болѣе выясняется по контрасту съ простотою жизни дикарей. Поэтъ не идеализируетъ кавказскихъ горцевъ, какъ Жанъ-Жакъ-Руссо своихъ американскихъ дикарей, какъ итальянскіе авторы пасторалей XVI вѣка своихъ аркадскихъ пастуховъ. Дикари Пушкина—кровожадны, горды, хищны, коварны, гостепріимны, великодушны: они таковы, какъ окружающая ихъ, страшная и щедрая природа. Пушкинъ первый осмѣлился сопоставить культурнаго человѣка съ неподдѣльными, неприкрашенными людьми природы.

Въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ*, произведеніи юношескомъ, въ которомъ еще много неопредѣленнаго и недосказаннаго, мы находимъ только намеки на то, что въ *Цыганахъ* выражено съ полной ясностью. Здѣсь геній Пушкина сразу достигаетъ зрѣлости. Философскій и драматическій мотивъ въ *Цыганахъ* тотъ-же, какъ и въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ*. За тѣмъ-же „веселымъ призракомъ свободы“ бѣжитъ Алеко въ дикій таборъ Цыганъ изъ тюрьмы современной культуры:

Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко воленъ, какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни...

Картины жизни въ мирныхъ степяхъ Бессарабіи не похожи на воинственный бытъ горцевъ, но прелесть дикой воли та-же:

Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай, и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ,
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо-неспокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Вотъ какъ убаюкиваетъ Алеко своего сына:

Останься посреди степей:
Безмолвны здѣсь предразсужденья
И нѣтъ ихъ ранняго гоненья
Надъ дикой люлькою твоей...
Подъ сѣнью мирнаго забвенья
Пускай цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ нѣгъ и пресыщенья
И *пышной суеты наукъ.*

Культурный человѣкъ воображаетъ, что можетъ вернуться къ первобытной простотѣ, къ беззаботной жизни Божьей птички, которая „хлопотливо не свиваетъ долговѣчнаго гнѣзда“. Онъ обманываетъ себя, не видитъ или не хочетъ видѣть непереступной бездны, отдѣляющей его отъ природы. Мечтатель только тѣшитъ себя, только играетъ въ свободу съ дикарями.

Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ, изгнанникъ перелетный,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ...

Ошибка Алеко заключается въ томъ, что онъ отрекся лишь отъ внѣшнихъ, поверхностныхъ формъ культуры, а не отъ внутреннихъ ея основъ. Онъ надѣется, что страсти культурнаго человѣка въ немъ умерли, но онѣ только дремлютъ:

Онѣ проснутся: погоди!

Вотъ какъ судитъ Алеко ту жизнь, отъ которой бѣжалъ:

О чемъ жалѣть? Когда-бъ ты знала,
Когда-бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ за оградой,
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ.
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.

Вся проповѣдь Льва Толстого противъ городской жизни, внѣшней власти, денегъ есть только развитіе, повтореніе того, чему Пушкинъ въ этихъ немногихъ словахъ далъ неистребимую форму совершенства.

Въ негодованіи Алеко слишкомъ много страстнаго порыва, слишкомъ мало спокойной мудрости—единственнаго, что возвращаетъ людей къ ихъ божественной природѣ. Отецъ Земфиры—старый цыганъ—обладаетъ этой мудростью. Разсказъ о жизни изгнанника Овидія на берегахъ Дуная есть дивное откровеніе поэзіи младенческихъ народовъ. Дикари полюбили невѣдомаго пришельца, Овидія, чувствуя въ немъ родную стихію—свою волю, свою простоту. Въ житейскихъ дѣлахъ поэтъ безпомощнѣе, чѣмъ они сами:

Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ, и робокъ былъ, какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;

Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика.

Вотъ въ первобытной жизни—зародыши высшей, еще ни разу въ исторіи не осуществленной культуры: дикари преклоняются передъ геніемъ. Это единственная власть, которую они признаютъ. Они чтутъ, какъ святого, этого слабаго, блѣднаго, изсохшаго, ничего не разумѣющаго старика, у котораго—„пѣсенъ дивный даръ и голосъ шуму водъ подобный“.

Но Алеко ужаснулся бы бездны, отдѣляющей его отъ природы, если-бы могъ понять стараго цыгана, для котораго нѣтъ добра и зла, нѣтъ позволеннаго и запрещеннаго. Любовь женщины кажется этому естественному философу высшимъ проявленіемъ свободы. Алеко смотритъ на любовь какъ на законъ, какъ на право одного человѣка обладать нераздѣльно тѣломъ и душою другого. Любовь для него—бракъ. Для стараго цыгана и Земфиры любовь—такая-же прихоть сердца, неподчиненная никакимъ законамъ, какъ вдохновеніе дикой пѣсни, голосъ которой „подобенъ шуму водъ“. Первобытная поэзія воли слышится въ пѣснѣ цыганки, издѣвающейся надъ правомъ собственности въ любви, надъ ревностью мужа:

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.
Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю, любя.

Алеко не выноситъ свободы—обнаженной правды въ любви. Цыганъ жалѣетъ Алеко, но не можетъ скрыть отъ него, что одобряетъ Земфиру, которая измѣнила мужу и

выбрала себѣ любовника, по прихоти сердца, по единственному верховному закону любви. Любовь—игра, случай, стихійный произволъ. Какая можетъ быть въ ней вѣрность и ревность, какое добро и зло—когда все упоеніе любви заключается въ томъ, что она внѣ добра и зла?

Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она:
. . . .
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Промолвя: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись!

Эта послѣдняя свобода приводитъ къ послѣднему всепрощенію—къ божественному милосердію Франциска Ассизскаго. И его религія была возвратомъ къ дѣтской простотѣ и невинности.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда...

Этотъ гимнъ первобытной безпечности напоминаетъ лучшія молитвы, сложенныя на цвѣтущихъ холмахъ Назарета или въ долинахъ Умбріи. Это—звуки, какъ будто прилетѣвшіе изъ незапамятной древности, когда человѣкъ и природа были еще одно. Алеко—культура и язычество; старый цыганъ—природа и милосердіе.

Къ чему? Вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.

„Я не таковъ,—отвѣчаетъ Алеко дикарю,—нѣтъ, я не споря *отъ правъ* моихъ не откажусь“.

Во имя этого права и закона въ любви, которые онъ называетъ честью и вѣрностью, Алеко совершаетъ злодѣяніе. Быть можетъ, во всей русской литературѣ не сказано

ничего болѣе глубокаго объ отношенiи первобытнаго и современнаго человѣка, объ отношенiи культуры и природы, чѣмъ немногiя слова, которыя старый цыганъ произноситъ, прощаясь съ Алеко:

Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, *нѣтъ у насъ законовъ*,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Ненужно крови намъ и стоновъ,
Но жить съ убiйцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки, и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ—оставь-же насъ;
Прости! да будетъ миръ съ тобою.

И таборъ опять подымается шумною толпою и „скоро все въ дали степной сокрылось“. Вѣчныя дѣти первобытной природы продолжаютъ свой путь безъ конца и начала, безъ надежды и цѣли. Журавли улетаютъ, только одинъ уже не имѣетъ силы подняться, „пронзенный гибельнымъ свинцомъ, одинъ печально остается, повиснувъ раненымъ крыломъ“. Это—бѣдный Алеко, современный человѣкъ, возненавидѣвшiй темницу общежитiя и не имѣющiй силы вернуться къ природѣ.

Пушкинъ вѣренъ себѣ: онъ не преувеличиваетъ, подобно Льву Толстому, счастья и добродѣтелей первобытныхъ людей. Онъ знаетъ, что смыслъ всякой жизни—трагическiй, что величайшая свобода, доступная человѣку, есть только величайшая покорность волѣ природы:

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны;
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

Въ *Галубѣ* Пушкинъ возвратился къ темѣ *Цыганъ* и *Кавказскаго Плѣнника*. Теперь въ первобытной жизни, которая нѣкогда противополагалась европейской культурѣ какъ нѣчто единое, поэтъ изображаетъ глубокій разладъ, присутствіе непримиримо борющихся нравственныхъ теченій. Жестокость магометанина Галуба вытекаетъ изъ того-же понятія о правѣ, какъ и жестокость Алеко. Оба они говорятъ тѣми-же словами о кровавомъ долгѣ, о мщеніи:

Ты *долга крови* не забылъ...
Врага ты навзничь опрокинулъ...
Неправда-ли? Ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ
И трижды тихо повернулъ?..

Галубъ считаетъ себя выше дикаго, празднаго и презрѣнно-добраго Тазита, также какъ Алеко считаетъ себя выше стараго цыгана, не признающаго ни закона, ни чести, ни брака, ни вѣрности: преимущества обоихъ основаны на исполненіи *кроваваго долга*, на воздаяніи врагу, на понятіи антихристіанской безпощадной справедливости—*fiat jus*.

И старый цыганъ и Тазитъ чужды этимъ культурнымъ понятіямъ о справедливости. Оба они—вѣчные бродяги, питомцы дикой праздности и воли, смѣшные или страшные людямъ мечтатели.

Среди культурныхъ людей, правовѣрныхъ сыновъ пророка, Тазитъ кажется неприрученнымъ звѣремъ:

Но Тазитъ
Все дикость прежнюю хранитъ.
Среди родимаго аула
Онъ все чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ.

Въ мирномъ созерцаніи природы Тазитъ такъ-же, какъ старый цыганъ, почерпаетъ свою безстрастную, всепрощающую мудрость:

Онъ любитъ по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,

Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дольняго куда
Младые сны его уводятъ?..

Въ самомъ обширномъ изъ своихъ произведеній—въ *Евгеніи Онѣгинѣ*, Пушкинъ еще разъ вернулся къ преслѣдовавшей его всю жизнь драматической и философской темѣ *Кавказскаго Плѣнника, Цыганъ, Галуба*. Та глубокая противоположность Евгенія Онѣгина и Татьяны, на которой основано драматическое дѣйствіе поэмы, есть ничто иное, какъ противоположность Плѣнника и Черкешенки, Алеко и Цыгана, Галуба и Тазита.

Герой поэмы, очерченный слишкомъ поверхностно, по замыслу Пушкина, долженъ быть представителемъ западнаго просвѣщенія. Это „современный человѣкъ“—

Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Недостатокъ поэмы заключается въ томъ, что авторъ не вполнѣ отдѣлилъ героя отъ себя, и потому относится къ нему не вполнѣ объективно. Кажется иногда, что поэтъ въ Онѣгинѣ хочетъ казнить увлеченія своей молодости, байроническіе грѣхи:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что-жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ иль еще

Москвичъ въ гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія-ли онъ?

Существуетъ глубокая связь Онѣгина съ героями Байрона, также какъ съ Печоринымъ и Раскольниковымъ, съ Алеко и Кавказскимъ Плѣнникомъ. Но это не подражаніе—это русская, въ другихъ литературахъ небывалая, попытка развѣнчать демоническаго героя. Евгеній Онѣгинъ отвѣчаетъ уѣздной барышнѣ съ такимъ же высокомѣрнымъ самоуничиженіемъ, сознаніемъ своихъ культурныхъ преимуществъ передъ наивностью первобытнаго человѣка, какъ Плѣнникъ—Черкешенкѣ:

...Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе недостоинъ я...
Я, сколько ни любилъ-бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать—ваши слезы
Не тронутъ сердца моего...

Онъ утѣшаетъ ее, опять повторяя слова Плѣнника:

Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты...
Полюбите вы снова...

Во имя того, что онъ называетъ долгомъ и закономъ чести, Онѣгинъ, также какъ Алеко, совершаетъ убійство.

Враги! Давно-ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно-ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ

Готовятъ гибель хладнокровно...
Не засмѣяться-ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтись-ли полюбовно?..
Но дико свѣтская вражда
Боится ложнаго стыда.

Вся жизнь его основана на этомъ ложномъ стыдѣ. Вотъ куда зоветъ онъ Татьяну изъ рая ея невинности, вотъ съ какой высоты читаетъ ей свои нравоученія. Этотъ гордый демонъ отрицанія оказывается рабомъ того, что скажетъ негодяй Зарѣцкій.

Конечно, быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ,
Но шопотъ, хохотня глупцовъ—
И вотъ общественное мнѣнье!
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ на чемъ вертится міръ!

Онѣгинъ не способенъ ни къ любви, ни къ дружбѣ, ни къ созерцанію, ни къ подвигу. Какъ Алеко—по выраженію стараго цыгана—онъ *„золъ и смѣлъ“*. Какъ Печоринъ и Раскольниковъ, онъ—убійца, и преступленіе его такъ-же лишено силы и величія, какъ и его добродѣтели. Онъ вышелъ цѣликомъ изъ ложной, посредственной и буржуазной культуры.

Онъ—чужой, нерусскій, туманный призракъ, рожденный вѣяніями западной жизни. Татьяна вся—родная, вся изъ русской земли, изъ русской природы, загадочная, темная и глубокая, какъ русская сказка:

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь...

. . . .

Что-жъ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она...

Душа ея—проста, какъ душа русскаго народа. Татьяна—изъ того сумеречнаго, древняго міра, гдѣ родились Жаръ-Птица, Иванъ-Царевичъ, Бага-Яга,—„тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ“, „тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ“. Единственный другъ Татьяны—старая няня, которая нашептала ей сказки волшебной старины. Подобно Цыгану, она почерпаетъ великую покорность и простоту сердца въ тихомъ созерцаніи тихой природы. Подобно Тазиту, дикая и чужая въ родной семьѣ—она, какъ пойманный олень, „все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ“.

Татьяна безконечно далека отъ того блестящаго, лживаго міра, въ которомъ живетъ Онѣгинъ. Какъ могла она полюбить его? Но сердце ея „горитъ и любитъ оттого, что не любить оно не можетъ“. Любовь — тайна и чудо. Татьяна отдается любви, какъ смерти и року. Начало любви въ Богѣ

То въ высшемъ суждено совѣтѣ...
То воля неба—я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, *ты мнѣ посланъ Богомъ*,
До гроба ты хранитель мой...

. . . .

Не правда-ль? Я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или *молитвой услаждала*
Тоску волнуемой души.

И мимо этого святого чуда любви Онѣгинъ проходитъ съ мертвымъ сердцемъ. Онъ исполняетъ долгъ чести, выказываетъ себя порядочнымъ человѣкомъ и отдѣлывается отъ незаслуженнаго дара, посланнаго ему Богомъ, нѣсколькими

незначительными словами о скукѣ брачной жизни. Въ этомъ безсиліи любить, больше чѣмъ въ убійствѣ Ленскаго, обнаруживается весь ужасъ того, чѣмъ Онѣгинъ, Алеко, Печоринъ гордятся какъ высшимъ цвѣтомъ западной культуры. На слова любви, которыми природа, невинность, красота зовутъ его къ себѣ, онъ умѣетъ отвѣтить только практическимъ совѣтомъ:

Учитесь властвовать собою,
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.

Татьяна послушалась Онѣгина, вошла въ тотъ міръ, куда онъ звала ее.

Онъ является теперь своему строгому учителю—

Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной царственной Невы.

Она научилась „властвовать собою". При первой встрѣчѣ съ Онѣгинымъ на балу—

Княгиня смотритъ на него...
И что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился тотъ-же тонъ,
Былъ также тихъ ея поклонъ.

Это самообладаніе есть цвѣтъ культуры — аристократизмъ, — то, что болѣе всего въ мірѣ противоположно первобытной, вольной природѣ.

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кто-бъ смѣлъ искать дѣвчонки нѣжной

Въ сей величавой, сей небрежной
Законодательницѣ залъ?..

Только теперь сознаетъ Онѣгинъ ничтожество той гордыни, которая заставила его презрѣть божественный даръ — простую любовь, и съ такою же холодною жестокостью оттолкнуть сердце Татьяны, съ какою онъ обагрилъ руки въ крови Ленскаго.

Благородство Онѣгина проявляется въ яркости вспыхнувшаго въ немъ сознанія, въ силѣ ненависти къ своей лжи:

Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой —
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

Весь ужасъ казни наступаетъ въ то мгновеніе, когда онъ узнаетъ, что Татьяна по прежнему любитъ его, но что эта любовь также безплодна и мертва, какъ его собственная. Онѣгинъ застаетъ ее за чтеніемъ его письма:

... О, кто-бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ?
Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ княгинѣ-бъ не узналъ!..
Простая дѣва
Съ мечтами, съ сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опять воскресла въ ней!

Судъ „простой дѣвы“ надъ героемъ современной культуры такой же глубокій и всепрощающій, какъ судъ дикаго цыгана надъ исполнителемъ кроваваго закона чести, Алеко:

Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ, и что-же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла,
Какой отвѣтъ?..
Тогда—неправда-ли—въ пустынѣ,

Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не нравилась?.. Что-жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?..

Въ сердцѣ Татьяны есть еще неистребимый уголокъ первобытной природы, дикой воли, которыхъ не побѣдятъ никакія условности большого свѣта, никакіе „пріемы утѣснительнаго сана". Свѣжестью русской природы вѣетъ отъ этого безнадежнаго возврата къ потерянной простотѣ, который долженъ былъ ослѣпить Онѣгина новой, невѣдомой ему прелестью въ Татьянѣ:

А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта—
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей...
А счастье было такъ возможно,
Такъ близко... Но судьба моя
Ужъ рѣшена...
Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана—
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

Послѣднія слова княгиня произноситъ мертвыми устами, и опять окружаетъ ее ореолъ „крещенскаго холода" и опять между Онѣгинымъ и ею открывается непереступная, какъ

смерть, ледяная бездна долга, закона, чести, брака, общественнаго мнѣнія,—всего, чему Онѣгинъ пожертвовалъ любовью ребенка. Въ послѣдній разъ она показываетъ ему, что воспользовалась его урокомъ — научилась „властвовать собою", заглушать голосъ природы. Оба должны погибнуть, потому что поработили себя человѣческой лжи, отреклись отъ любви и природы. Оба должны „ожесточиться, очерствѣть и, наконецъ, окаменѣть въ мертвящемъ упоеніи свѣта".

То, что нерѣшительно и слабо пробивается, какъ первая струя новаго теченія, въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ*, что достигаетъ зрѣлости въ *Цыганѣ* и *Галубѣ*, получаетъ здѣсь, въ заключительной сценѣ перваго русскаго романа, совершенное выраженіе. Пушкинъ *Евгеніемъ Онѣгинымъ* очертилъ горизонтъ русской литературы, и всѣ послѣдующіе писатели должны были двигаться и развиваться въ предѣлахъ этого горизонта. Жестокость Печорина и доброта Максима Максимовича, побѣда сердца Вѣры надъ отрицаніемъ Марка Волохова, укрощеніе нигилиста Базарова ужасомъ смерти, смиреніе Наполеона-Раскольникова, читающаго Евангеліе, наконецъ вся жизнь и все творчество Льва Толстого — вотъ послѣдовательныя ступени въ развитіи и воплощеніи того, что угадано Пушкинымъ.

„Я думаю, — замѣчаетъ Смирнова, — что Пушкинъ — серьезно вѣрующій, но онъ про это никогда не говоритъ. Глинка разсказалъ мнѣ, что онъ разъ засталъ его съ Евангеліемъ въ рукахъ, при чемъ Пушкинъ сказалъ ему: „вотъ единственная книга въ мірѣ — въ ней все есть". Барантъ сообщаетъ Смирновой послѣ одного философскаго разговора съ Пушкинымъ: „я и не подозрѣвалъ, что у него такой религіозный умъ, что онъ такъ много размышлялъ надъ Евангеліемъ". „Религія—говоритъ самъ Пушкинъ — создала искусство и литературу, — все, что было великаго съ самой глубокой древности; все находится въ зависимости отъ ре-

лигіознаго чувства... Безъ него не было бы ни философіи, ни поэзіи, ни нравственности".

Незадолго до смерти онъ увидѣлъ въ одной изъ залъ Эрмитажа двухъ часовыхъ, приставленныхъ къ *Распятію* Брюлова. „Не могу вамъ выразить,—сказалъ Пушкинъ Смирновой—какое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ часовой; я подумалъ о римскихъ солдатахъ, которые охраняли гробъ и препятствовали вѣрнымъ ученикамъ приближаться къ нему". Онъ былъ взволнованъ и по своей привычкѣ началъ ходить по комнатѣ. Когда онъ уѣхалъ, Жуковскій сказалъ: „Какъ Пушкинъ созрѣлъ и какъ развилось его религіозное чувство! Онъ несравненно болѣе вѣрующій, чѣмъ я". По поводу этихъ часовыхъ, которые не давали ему покоя, поэтъ написалъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній:

Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража
Или распятіе—казенная поклажа,
И вы боитеся воровъ или мышей?
Иль мните важности придать Царю царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
Иль опасаетесь, чтобъ *чернь* не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила
И, что-бъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда *простой народъ?*

Символъ божественной любви, превращенный въ казенную поклажу, часовые, приставленные Бенкендорфомъ къ распятію, конечно, это– съ точки зрѣнія эстетическаго и религіознаго чувства — великое уродство. Но не на немъ-ли основано все многовѣковое строеніе культуры? Вотъ что сознавалъ Пушкинъ не менѣе чѣмъ Левъ Толстой, хотя возмущеніе его было сдержанное. Природа—дерево жизни; культура—дерево смерти, Анчаръ.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ...

На этомъ первобытномъ насилiи воздвигается вся вавилонская башня. „И умеръ бѣдный рабъ у ногъ непобѣдимаго владыки“...

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

Страшную силу, сосредоточенную въ этихъ строкахъ Левъ Толстой разсѣялъ и употребилъ для приготовленiя громаднаго арсенала разрушительныхъ рычаговъ, но первоисточникъ ея—въ Пушкинѣ.

Изъ воздуха, отразленнаго ядомъ Анчара, изъ темницы, построенной на кровавомъ долгѣ, вѣчный голосъ призываетъ вѣчнаго узника—человѣка, къ первобытной свободѣ:

Мы—вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскiе края,
Туда, гдѣ гуляемъ лишь вѣтеръ да я!

Это чувство имѣетъ опредѣленную историческую форму, Пушкинъ въ первобытномъ галилейскомъ смыслѣ болѣе христiанинъ, чѣмъ Гете и Байронъ. Здѣсь обнаруживается самобытная народная личность русскаго поэта.

Гете въ созерцанiи природы всегда остается язычникомъ. Если же онъ хочетъ выразить христiанскую сторону своей души, то удаляется отъ первобытной простоты, подчиняетъ свое вдохновенiе законченнымъ, культурнымъ формамъ католической церкви: Pater Extaticus, Pater Profundus, Doctor Marianus, Maria Aegyptiaca изъ Acta Sanctorum — весь мiръ средневѣковой теологiи и схоластики выступаетъ въ послѣдней сценѣ *Фауста.* Тысячелѣтнiя преграды отдѣляютъ его отъ наивнаго религiознаго творчества первыхъ вѣковъ.

Не таково христiанство Пушкина: оно чуждо всякой теологiи, всякихъ внѣшнихъ формъ; оно естественно и безсознательно. Пушкинъ находитъ галилейскую, всепрощающую

мудрость въ душѣ дикарей, не знающихъ имени Христа. Природа Пушкина—русская, кроткая, „безпорывная“, по выраженію Гоголя: она учитъ людей великому спокойствію, смиренію и простотѣ. Дикій Тазитъ и старый Цыганъ ближе къ первоисточникамъ христіанскаго духа, чѣмъ теологическій *Doctor Marianus*. Вотъ чего нѣтъ ни у Гете, ни у Байрона, ни у Шекспира, ни у Данте. Для того, чтобы найти столь чистую форму галилейской поэзіи, надо вернуться къ серафическимъ гимнамъ Франциска или божественнымъ легендамъ первыхъ вѣковъ.

III

Религію жалости и цѣломудрія, какъ философское начало, которое проявляется въ разнообразныхъ историческихъ формахъ—въ гимнахъ Франциска Ассизскаго и въ греческой діалектикѣ Платона, въ индѣйскомъ нигилизмѣ Сакья-Муни и въ китайской метафизикѣ Лао-Дзи, — можно опредѣлить, какъ вѣчное стремленіе духа человѣческаго къ самоотреченію, къ сліянію съ Богомъ и освобожденію въ Богѣ отъ границъ нашего сознанія, къ нирванѣ, къ исчезновенію сына въ лонѣ Отца.

Язычество, какъ философское начало, которое проявляется въ столь-же разнообразныхъ историческихъ формахъ — въ эллинскомъ многобожіи, въ гимнахъ *Ведъ*, въ книгѣ *Ману* и въ законодательствѣ Моисея — можно опредѣлить, какъ вѣчное стремленіе человѣческой личности къ безпредѣльному развитію, совершенствованію, обожествленію своего *я*, какъ постоянное возвращеніе его отъ невидимаго къ видимому, отъ небеснаго къ земному, какъ возстаніе и борьбу трагической воли героевъ и боговъ съ рокомъ, борьбу Іакова съ Іеговой, Прометея съ олимпійцами, Аримана съ Ормуздою.

Эти два непримиримыхъ или непримиренныхъ начала, два міровыхъ потока — одинъ къ Богу, другой отъ Бога, вѣчно борются и не могутъ побѣдить другъ друга. Только

на послѣднихъ вершинахъ творчества и мудрости — у Платона и Софокла, у Гете и Леонардо да Винчи, титаны и олимпійцы заключаютъ перемиріе, и тогда предчувствуется ихъ совершенное сліяніе, въ быть можетъ недостижимой на землѣ гармоніи. Каждый разъ достигнутое человѣческое примиреніе оказывается неполнымъ — два потока опять и еще шире разъединяютъ свои русла, два начала опять распадаются. Одно, временно побѣждая, достигаетъ односторонней крайности, и тѣмъ самымъ приводитъ личность къ самоотрицанію, къ нигилизму и упадку, къ безумію аскетовъ или безумію Нерона, къ Толстому или Ницше, — и съ новыми порывами и бореньями духъ устремляется къ новой гармоніи, къ высшему примиренію.

Поэзія Пушкина представляетъ собою рѣдкое во всемірной литературѣ, а въ русской единственное, явленіе гармоническаго сочетанія, равновѣсія двухъ началъ — сочетанія, правда, безсознательнаго по сравненію, напр., съ Гете.

Мы видѣли одну сферу міросозерцанія Пушкина; теперь обратимся къ противоположной.

Пушкинъ, какъ галилеянинъ, противополагаетъ первобытнаго человѣка современной культурѣ. Той-же современной культурѣ, основанной на власти черни, на демократическомъ понятіи равенства и большинства голосовъ, противополагаетъ онъ, какъ язычникъ, самовластную волю единаго — творца или разрушителя, пророка или героя. Полубогъ и укрощенная имъ стихія—-таковъ второй главный мотивъ пушкинской поэзіи.

Нечего и говорить о поэтахъ, явно подчиненныхъ духу вѣка, такихъ естественныхъ демократахъ, какъ Викторъ Гюго, Шиллеръ, Гейне; но даже самъ Байронъ — лордъ до мозга костей, Байронъ, который возвеличиваетъ отверженныхъ и презрѣнныхъ всѣхъ вѣковъ—Наполеона и Прометея, Каина и Люцифера, слишкомъ часто измѣняетъ себѣ, потворствуя духу черни, поклоняясь Жанъ Жаку Руссо, про-

повѣднику самой кощунственной изъ религій—большинства голосовъ, снисходя до роли политическаго революціонера, предводителя возстанія, народнаго трибуна.

Пушкинъ — рожденный въ той странѣ, которой суждено было съ особенной силой подвергнуться вліяніямъ западно-европейской демократіи, — какъ врагъ черни, какъ рыцарь вѣчнаго духовнаго аристократизма, безупречнѣе и безстрашнѣе Байрона. Подобно Гете, Пушкинъ и здѣсь, какъ во всемъ, твердъ, ясенъ и вѣренъ природѣ своей до конца:

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ:
Тебѣ-бы пользы все—на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Такъ что-же?
Печной горшокъ тебѣ дороже!
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Величайшее уродство буржуазнаго вѣка—затаенный духъ корысти, прикрытой именемъ свободы, науки, добродѣтели, разоблаченъ здѣсь съ такою смѣлостью, что послѣдующая русская литература напрасно будетъ бороться всѣми правдами и неправдами, грубымъ варварствомъ Писарева и утонченными софизмами Достоевскаго съ этой стороною міросозерцанія Пушкина, напрасно будетъ натягивать на обнаженную пошлость черни свѣтлыя ризы галилейскаго милосердія.

Развѣ вся дѣятельность Льва Толстого—не та-же демократія буржуазнаго вѣка, только одухотворенная евангельской поэзіей, украшенная крыльями Икара—восковыми крыльями мистическаго анархизма? Левъ Толстой есть ничто иное, какъ отвѣтъ русской демократіи на вызовъ Пушкина. Вотъ какъ смиренный галилеянинъ, авторъ *Царствія Божія*, могъ-бы возразить поэту-первосвященнику, который осмѣлился сказать въ лицо черни—„procul este profani“:

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны:
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Пошлость толпы — „*утилитаризмъ*“, духъ корысти, тѣмъ и опасны, что изъ низшихъ проникаютъ въ высшія области человѣческаго созерцанія: въ нравственность, философію, религію, поэзію, и здѣсь все отравляютъ, принижаютъ до своего уровня, превращаютъ въ корысть, въ умѣренную и полезную добродѣтель, въ печной горшокъ, въ благотворительную раздачу хлѣба голоднымъ для успокоенія буржуазной совѣсти. Не страшно, когда малые довольны малымъ, но когда великіе жертвуютъ своимъ величіемъ, въ угоду малымъ,—страшно за будущность человѣческаго духа. Когда великій художникъ, во имя какой-бы то ни было цѣли—корысти, пользы, блага земного или небеснаго, во имя какихъ-бы то ни было идеаловъ, чуждыхъ искусству,—философскихъ, нравственныхъ или религіозныхъ, отрекается отъ безкорыстнаго и свободнаго созерцанія, то тѣмъ самымъ онъ творитъ мерзость во святомъ мѣстѣ, пріобщается духу черни.

Вотъ какъ истинный поэтъ-служитель вѣчнаго Бога судитъ этихъ сочинителей полезныхъ книжекъ и притчъ для народа, этихъ исправителей человѣческаго сердца, первосвященниковъ, взявшихъ уличную метлу, предателей поэзіи. Вотъ какъ Пушкинъ судитъ Льва Толстого, который пишетъ нравоучительные разсказы и открещивается отъ *Анны Карениной*, потому что она слишкомъ прекрасна, слишкомъ безполезна:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!..
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!—
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

„Во всѣ времена—говоритъ Пушкинъ въ бесѣдѣ со Смирновой—были избранные, предводители; это восходитъ до Ноя и Авраама... Разумная *воля единицъ или меньшинства управляла человѣчествомъ.* Въ массѣ воли разъединены и тотъ, кто овладѣетъ ею,—сольетъ ихъ воедино. Роковымъ образомъ, при всѣхъ видахъ правленія, люди подчинялись меньшинству или единицамъ, такъ что слово демократія, въ извѣстномъ смыслѣ, представляется мнѣ безсодержательнымъ и лишеннымъ почвы. У грековъ люди мысли были равны, они были истинными властелинами. Въ сущности, неравенство есть законъ природы. Въ виду разнообразія талантовъ, даже физическихъ способностей, въ человѣческой массѣ нѣтъ единообразія; слѣдовательно, нѣтъ и равенства. Всѣ перемѣны къ добру или худу затѣвало меньшинство; толпа шла по стопамъ его, какъ панургово стадо. Чтобъ убить Цезаря, нужны были только Брутъ и Кассій; чтобъ убить Тарквинія, было достаточно одного Брута. Для преобразованія Россіи хватило силъ одного Петра Великаго. Наполеонъ безъ всякой помощи обуздалъ остатки революціи. Единицы совершали всѣ великія дѣла въ исторіи... Воля создавала, разрушала, преобразовывала... Ничто не можетъ быть интереснѣе исторіи святыхъ, этихъ людей съ чрезвычайно сильной волей... За этими людьми шли, ихъ поддерживали, но первое слово всегда было ска-

зано ими. Все это является прямой противоположностью демократической системѣ, не допускающей единицъ—этой естественной аристократіи. Не думаю, чтобъ міръ могъ увидѣть конецъ того, что исходитъ изъ глубины человѣческой природы, что, кромѣ того, существуетъ и въ природѣ—*неравенства*".

Таковъ взглядъ Пушкина на идеалъ современной Европы. Можно не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ, но нельзя—подобно нѣкоторымъ русскимъ критикамъ, желавшимъ оправдать поэта съ либерально-демократической точки зрѣнія,—объяснять такія произведенія, какъ *Чернь*, случайными настроеніями и недостаткомъ сознательнаго философскаго отношенія къ великому вопросу вѣка. Этотъ мотивъ его поэзіи—аристократизмъ духа, такъ-же связанъ съ глубочайшими корнями пушкинскаго міровоззрѣнія, какъ и другой мотивъ—возвращеніе къ простотѣ, къ всепрощающей природѣ. Красота героя—созидателя будущаго; красота первобытнаго человѣка—хранителя прошлаго: вотъ два міра, два идеала, которые одинаково привлекаютъ Пушкина, одинаково отдаляютъ его отъ современной культуры, враждебной и герою, и первобытному человѣку, мѣщанской и посредственной, не имѣющей силы быть до конца ни аристократичной, ни народной, ни христіанской, ни языческой.

Стихотвореніе *Чернь* написано въ 1828 году. Только два года отдѣляютъ его отъ сонета на ту-же тему: *Поэтъ, не дорожи любовію народной*!.. Но какая перемѣна, какое просвѣтлѣніе! Въ *Черни* есть еще романтизмъ, кипѣніе молодой крови,—та ненависть, которая заставила Пушкина написать года четыре тому назадъ, въ письмѣ къ Вяземскому, нѣсколько безсмертныхъ словъ, не менѣе злыхъ и мѣткихъ, чѣмъ стихи *Черни*: „Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. *Онъ малъ какъ мы*,

онъ мерзокъ, какъ мы! Врете, подлецы: онъ и малъ, и мерзокъ—не такъ, какъ вы,—иначе!“

Въ этомъ порывѣ злости чувствуется уже вдохновеніе, которое впослѣдствіи можетъ превратиться въ мудрость, но здѣсь ея еще нѣтъ, также какъ въ *Черни*. И здѣсь и тамъ—желчь, ядъ, острота эпиграммы. Избранникъ небесъ удостаиваетъ говорить съ толпой, слушать ее и даже спорить. Только въ послѣднихъ словахъ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ—

переходъ къ спокойствію. Но жаль, что слова эти слышитъ чернь. Ея звѣриныя уши не созданы для откровенности геніевъ. Не должно объ этомъ говорить на площадяхъ; надо уйти въ святое мѣсто.

И поэтъ ушелъ:

Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ...

Право царей—судить себя, и цари покупаютъ это право цѣной одиночества: *Ты царь—живи одинъ*“. Избранникъ уже не споритъ съ чернью. Она является въ послѣднемъ трехстишіи сонета жалкая и безсловесная:

Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ-ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Здѣсь героическая сторона въ міросозерцаніи Пушкина достигаетъ полной зрѣлости. Нѣтъ болѣе ни порыва, ни

скорби, ни страсти. Все тихо, ясно: въ этихъ словахъ есть холодъ и твердость мрамора.

Пока избранникъ еще не вышелъ изъ толпы, пока душа его „вкушаетъ хладный сонъ“,—себѣ самому и людямъ онъ кажется обыкновеннымъ человѣкомъ:

И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Для того, чтобы могъ явиться пророкъ или герой, должно совершиться чудо перерожденія—не менѣе великое и страшное чѣмъ смерть:

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,—
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.

И онъ—уже болѣе не человѣкъ: въ немъ рождается высшее, непонятное людямъ существо. Звѣри, листья, воды, камни ближе сердцу его, чѣмъ братья:

Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

Христіанская мудрость есть бѣгство отъ людей въ природу—уединеніе въ Богѣ. Языческая мудрость есть тоже бѣгство въ природу, но уединеніе въ самомъ себѣ, въ своемъ переродившемся, обожествленномъ „*я*“. Это чудо перерожденія съ еще большею ясностью изображено въ *Пророкѣ*:

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ...

Все человѣческое въ человѣкѣ истерзано, убито—и только теперь, изъ этихъ страшныхъ останковъ, можетъ возникнуть пророкъ:

И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!“

Такъ созидаются избранники божественнымъ насиліемъ надъ человѣческою природою.

Какая разница между героемъ и поэтомъ? По существу—никакой; разница—во внѣшнихъ проявленіяхъ: герой—поэтъ дѣйствія, поэтъ—герой созерцанія. Оба разрушаютъ старую жизнь, созидаютъ новую, оба рождаются изъ одной стихіи. Символъ этой стихіи въ природѣ для Пушкина—море. Море подобно душѣ поэта и героя. Оно такое-же нелюдимое и безплодное—только путь къ невѣдомымъ странамъ—окованное земными берегами и безконечно свободное. Голосъ моря недаромъ понятенъ только для генія, „какъ друга ропотъ заунывный, какъ зовъ его въ прощальный часъ“.

Душа поэта, какъ море, любитъ смиренныхъ дѣтей природы, ненавидитъ самодовольныхъ, мечтающихъ укротить ея дикую стихію. При взглядѣ на море, въ душѣ поэта возникаютъ два образа—Наполеонъ и Байронъ. Герой дѣйствія, герой созерцанія, братья по судьбѣ, по силѣ и страданіямъ, они—сыновья одной стихіи:

Куда-бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою-бы душу поразилъ.
Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.
Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.
Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.

Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.
Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты ничѣмъ неукротимъ.

Герой есть помазанникъ рока, естественный и неизбѣжный владыка міра. Но люди современной буржуазной и демократической середины ненавидятъ обѣ крайности—и свободу первобытныхъ людей, и власть героевъ. Современные буржуа и демократы чуть-чуть христіане—не далѣе благотворительности, чуть-чуть язычники—не далѣе всеобщаго вооруженія. Для нихъ нѣтъ героевъ, нѣтъ великихъ, потому что нѣтъ меньшихъ и большихъ, а есть только малые, безчисленные, похожіе другъ на друга, какъ сѣрыя капли мелкой измороси,—есть только равные передъ закономъ, основаннымъ на большинствѣ голосовъ, на волѣ черни, на этомъ худшемъ изъ насилій. Нѣтъ героевъ, а есть начальники—такіе-же безчисленные, равные передъ закономъ и малые, какъ ихъ подчиненные; или-же, для удобства и спокойствія черни,—одинъ большой начальникъ, большой солдатъ все той-же демократической арміи—Наполеонъ III, большой, но не великій. Онъ силенъ силою черни—большинствомъ голосовъ и преподноситъ ей идеалъ ея собственной пошлости—буржуазное, умѣренное, безопасное „братство", это разогрѣтое вчерашнее блюдо. Онъ являетъ толпѣ ея собственный звѣриный образъ, украшенный знаками высшей власти, воровски похищенными у героевъ. Наполеонъ III—сынъ черни, съ нѣжностью любитъ чернь—свою мать, свою стихію. Болѣе всего въ мірѣ боится и ненавидитъ онъ законныхъ властителей міра — пророковъ и героевъ. Такъ мирный предводитель гусинаго стада боится и ненавидитъ хищниковъ небесныхъ, орловъ, ибо когда слетаетъ къ людямъ божественный хищникъ—герой, то равенству и большинству голосовъ, и добродѣтелямъ черни и предводи-

телямъ гусинаго стада—смерть. Но, къ счастью для толпы, явленіе пророковъ и героевъ самое рѣдкое изъ всѣхъ явленій міра. Между двумя праздниками исторіи, между двумя геніями, царитъ добродѣтельная буржуазная скука, демократическіе будни. Власть человѣка и власть природы, владыка тѣлъ и владыка душъ, Кесарь, вѣнчанный Римомъ, и Кесарь, вѣнчанный Рокомъ—вотъ сопоставленіе, которое послужило темою для одного изъ самыхъ глубокихъ стихотвореній Пушкина—*Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ*:

...То былъ сей чудный мужъ, посланникъ провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій, какъ сонъ, какъ тѣнь зари.
Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго по манію царей.
Нѣтъ, чудный взоръ его живой, неуловимый,
То въ даль затерянный, то въ другъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ:
Во цвѣтѣ здравія и мужества и мощи
Владыкѣ Полунощи
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Пушкинъ беретъ черты героизма всюду, гдѣ ихъ находитъ,—также, какъ черты христіанскаго милосердія, потому что и тѣ и другія имѣютъ одинъ и тотъ-же источникъ, основаны на единомъ стремленіи человѣка отъ своей человѣческой, къ иной, высшей природѣ. Генію Пушкина равно доступны обѣ стороны человѣческаго духа, и потому то проникаетъ онъ съ такою легкостью въ самое сердце отдаленныхъ вѣковъ и народовъ.

Поэзія первобытнаго племени, объединеннаго волей законодателя-пророка, дышетъ въ *Подражаніяхъ Корану*. Сквозь вѣяніе восточной пустыни здѣсь чувствуется уже ароматъ благородной мусульманской культуры, которой суждено дать міру сладострастную нѣгу Альгамбры и *Тысячи одной ночи*. Пока это—народъ еще дикій, хищный, жаждущій только славы и крови. Герой пришелъ, собралъ горсть семитовъ, отвергнутыхъ исторіей, затерянныхъ въ степяхъ Аравіи, раскалилъ религіознымъ фанатизмомъ, выковалъ молотомъ закона и бросилъ въ міръ, какъ остро отточенный мечъ, среди дряхлыхъ византійскихъ и одичалыхъ варварскихъ племенъ Европы:

Не даромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.
Внемлите радостному кличу,
О, дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ младыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!
Вы побѣдили, слава вамъ!..

И рядомъ—какія нѣжныя черты цѣломудреннаго и гордаго великодушія! Христіанское милосердіе недаромъ включено въ героическую мудрость пророка. Для него милосердіе—щедрость безмѣрно-богатыхъ сердецъ:

Щедрота полная угодна небесамъ...
. . . .
Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань;
Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Что съ камня моетъ дождь обильный,
Исчезнутъ—Господомъ отверженная дань.

Жестокость и милосердіе соединяются въ образѣ Аллаха. Это двѣ стороны единаго величія. Вся природа свидѣтельствуетъ о щедрости Бога:

Онъ человѣку далъ плоды,
И хлѣбъ, и финикъ, и оливу,
Благословилъ его труды,
И вертоградъ, и холмъ, и ниву.

. . . .

Зажегъ онъ солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ ленъ, елеемъ напоенный,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.

. . . .

Онъ милосердъ: Онъ Магомету
Открылъ сіяющій коранъ.

Магометъ—прибѣжище и радость смиренныхъ сыновъ пустыни, бичъ и гроза невѣрныхъ, суетныхъ и велерѣчивыхъ, непокорившихся волѣ Единаго. Гибелью окруженъ разгнѣванный пророкъ. Только безпощадность Аллаха равна его милосердію—они сливаются въ одномъ ужасающемъ и благодатномъ явленіи:

Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого-же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?
Не я-ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я-ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?
Мужайся-жъ, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ,—и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй!

Любопытно, что русскій нигилистъ, Раскольниковъ, заимствовалъ у пушкинскаго Магомета эти слова о „дрожащей твари“. Два идеала, преслѣдующіе воображеніе Раскольникова—Наполеонъ и Магометъ, привлекаютъ и Пушкина.

Къ числу любимыхъ пушкинскихъ героевъ *Записки Смирновой* прибавляютъ Моисея: „Пушкинъ сказалъ, что личность Моисея всегда поражала и привлекала его,—онъ

находитъ Моисея замѣчательнымъ героемъ для поэмы. Ни одно изъ библейскихъ лицъ не достигаетъ его величія: ни патріархи, ни Самуилъ, ни Давидъ, ни Соломонъ; даже пророки менѣе величественны, чѣмъ Моисей, царящій надъ всей исторіей народа израильскаго и возвышающійся надъ всѣми людьми. Брюловъ подарилъ Пушкину эстампъ, изображающій *Моисея* Микель Анжело. Пушкинъ очень желалъ бы видѣть самую статую. Онъ всегда представлялъ себѣ Моисея съ такимъ *сверхчеловѣческимъ* лицомъ. Онъ прибавилъ: „Моисей — титанъ, величественный въ совершенно другомъ родѣ, чѣмъ греческій Прометей и Прометей Шелли. Онъ не возстаетъ противъ Вѣчнаго, онъ творитъ Его волю, онъ участвуетъ въ дѣлахъ Божественнаго промысла, начиная съ неопалимой купины до Синая, гдѣ онъ видитъ Бога лицомъ къ лицу. И умираетъ онъ одинъ передъ лицомъ Всевышняго“.

Но если-бы Пушкинъ могъ видѣть не сомнительный эстампъ Брюлова, а мраморъ Микель Анжело, онъ вѣроятно почувствовалъ бы, что титанъ Израиля не чуждъ Прометеева духа. Пушкинъ замѣтилъ бы надъ „сверхчеловѣческимъ“ лицомъ исполина два короткихъ странныхъ луча—подобіе двухъ роговъ, которые придаютъ созданію Буонаротти такой загадочный видъ. И въ нахмуренныхъ бровяхъ и въ морщинахъ упрямаго лба изображается дикая ярость, должно быть, вождь Израиля только что увидѣлъ вдали народъ, пляшущій вокругъ Золотого Тельца, и готовъ разбить скрижали Завѣта.

Болѣе чѣмъ кто-либо изъ русскихъ писателей, не исключая и Достоевскаго, Пушкинъ понималъ эту соблазнительную тайну—ореолъ демонизма, окружающій всякое явленіе героевъ и полубоговъ на землѣ.

Однажды, бесѣдуя при Смирновой о философскомъ значеніи библейскаго и байроновскаго образа Духа Тьмы, Искусителя, Пушкинъ на одно замѣчаніе Александра Тургенева

возразилъ живо и серьезно: „суть въ нашей душѣ, въ нашей совѣсти, и въ *обаяніи зла*. Это обаяніе было бы необъяснимо, если бы зло не было одарено прекрасной и пріятной внѣшностью. Я вѣрю Библіи во всемъ, что касается Сатаны, въ стихахъ о Падшемъ Духѣ, прекрасномъ и коварномъ, заключается великая философская истина".

„Обаяніе зла" — языческаго сладострастія и гордости, поэтъ выразилъ въ своихъ терцинахъ, исполненныхъ тайною ранняго флорентинскаго Возрожденія. Здѣсь Пушкинъ близокъ намъ, людямъ конца XIX вѣка: онъ угадалъ предчувствія нашего сердца—то, чего мы ждемъ отъ грядущаго искусства. Добродѣтель является въ образѣ Наставницы смиренной—одѣтой убого, но видомъ величавой жены, „надъ школою надзоръ хранящей строго". Она бесѣдуетъ съ младенцами пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, и на челѣ ея покрывало цѣломудрія, и очи у нея свѣтлыя, какъ небеса. Но въ сердцѣ поэта-ребенка уже зрѣютъ сѣмена гордыни и сладострастія:

Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.
Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ,
И полныя святыни словеса.
Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.
И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.
Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ свой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада.

Ребенку, убѣжавшему отъ цѣломудренной наставницы, въ „великолѣпный мракъ" и нѣгу языческой природы—этого „*чужого сада*", являются соблазнительныя привидѣнія умершихъ олимпійцевъ—„*бѣлые въ тѣни деревъ кумиры*".

Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце, и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ.

Красота этихъ божественныхъ призраковъ ближе сердцу его, чѣмъ „полныя святыни словеса“ строгой женщины въ темныхъ одеждахъ. Болѣе всѣхъ другихъ привлекаютъ отрока два чудесныя творенья:

То были двухъ бѣсовъ изображенья.
Одинъ (Дельфійскій идолъ)—ликъ младой—
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.
Другой—женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный.

Эти два демона—два идеала языческой мудрости: одинъ—Апполонъ, богъ знанья, солнца и гордыни; другой—Діонисъ, богъ тайны, нѣги и сладострастія.

Оба время отъ времени воскресаютъ. Послѣднимъ воплощеніемъ дельфійскаго бога солнца и гордыни былъ, „сей чудный мужъ, посланникъ провидѣнья, свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья... сей хладный кровопійца, сей царь исчезнувшій, какъ сонъ, какъ тѣнь зари“,—Наполеонъ. Въ самыя темныя времена, среди воплей проповѣдниковъ смиренія и смерти, воскресаетъ и другой демонъ, „женообразный, сладострастный“,—со своею пѣснью на *пиръ во время чумы*:

Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
Утопимъ весело умы—
И, заваривъ пиры да балы,
Возславимъ царствіе чумы!
Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ.
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!

Это упоеніе ужаса еще яснѣе выражено въ *Египетскихъ Ночахъ*. Клеопатра, бросающая поклонникамъ своимъ вызовъ: „свою любовь я продаю; скажите: кто межъ вами купитъ цѣною жизни ночь мою“, является воплощеніемъ демона Вакха въ образѣ женщины. На вызовъ отвѣчаютъ три мужа, три героя—римскій воинъ, греческій мудрецъ и безымянный отрокъ, „любезный сердцу и очамъ, какъ вешній цвѣтъ едва развитый“, съ первымъ пухомъ юности на шекахъ, съ глазами, сіяющими дѣтскимъ восторгомъ, столь невинный и безстрашный, что сама безпощадная царица остановила на немъ взоръ съ умиленіемъ:

Свершилось! Куплено три ночи,
И ложе смерти ихъ зоветъ.

Но рядомъ со смертью—какая нѣга, какая беззаботная полнота жизни, освобожденной отъ добра и зла:

Александрійскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь.
Фонтаны бьютъ, горятъ лампады,
Курится легкій ѳиміамъ
И сладострастныя прохлады
Земнымъ готовятся *богамъ*.

Они достойны этого ѳиміама—избранники Діониса, герои сладострастія, ибо, увлекаемые безмѣрностью своихъ желаній, они преступили границы человѣческаго существа и сдѣлались „какъ боги“. Вотъ почему на лицѣ Клеопатры—не суетная улыбка, а молитвенная торжественность и благоговѣніе, какъ на лицѣ неумолимой весталки, когда она произноситъ свою клятву:

Внемли-же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
И боги грознаго Аида!
Клянусь, до утренней зари

Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной нѣгой утомлю!
Но только утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ,
Клянусь, подъ смертною сѣкирой
Глава счастливцевъ отпадетъ!

Трудно повѣрить, что художникъ, который воплотилъ въ этомъ видѣніи царицу смерти и нѣгъ, создалъ и чистый образъ Татьяны. Всего любопытнѣе, что эта уѣздная русская барышня, подобно Клеопатрѣ, любитъ загадочный мракъ, любитъ ужасъ. Поэтъ говоритъ о Татьянѣ:

Но тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она.

Въ страстяхъ самыхъ низкихъ Пушкинъ, котораго въ этомъ отношеніи можно сравнить только съ Шекспиромъ, находитъ черты героизма и царственнаго величія. Человѣкъ не хочетъ быть человѣкомъ: все равно, въ какую бы то ни было пропасть,—только бы прочь отъ самого себя. Всякая страсть тѣмъ и прекрасна, что окрыляетъ душу для возмущенія, для бѣгства за ненавистные предѣлы человѣческой природы. Скупой Рыцарь, дрожащій надъ сундукомъ въ подвалѣ, озаренный свѣтомъ сальнаго огарка и страшнымъ отблескомъ золота, превращается въ такого-же могучаго демона, какъ царица Клеопатра со своимъ кровожаднымъ сладострастіемъ:

. . . . Какъ нѣкій *демонъ*,
Отселѣ править міромъ я могу!..
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги,
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою...

. . . .

Мнѣ все послушно, я же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній: я спокоенъ...
Я—царствую...

Вотъ веселый любовникъ Лауры — Донъ-Жуанъ, герой щедрости и сладострастія, легкаго, какъ пѣна играющихъ волнъ. Подобно Скупому Рыцарю и Клеопатрѣ, онъ вдругъ достигаетъ величія, когда подаетъ Каменному Гостю безтрепетную руку:

Я звалъ тебя и радъ, что вижу.

Вотъ герои-неудачники—старшіе братья Раскольникова, преступившіе законъ и ужаснувшіеся, не имѣющіе силы для безстрастія истинныхъ героевъ: цареубійца Годуновъ, убійца генія — Сальери. Вотъ и призраки не родившихся героевъ, безкрылыя попытки малыхъ создать великое — Стенька Разинъ, Пугачевъ, Гришка Отрепьевъ.

Но надъ этимъ сонмомъ пушкинскихъ героевъ возвышается одинъ—тотъ, кто былъ первообразомъ самого поэта,—герой русскаго подвига, также какъ Пушкинъ былъ героемъ русскаго созерцанія. Въ сущности, Пушкинъ есть донынѣ единственный отвѣтъ, достойный великаго вопроса объ участіи русскаго народа въ міровой культурѣ, который заданъ былъ Петромъ. Пушкинъ отвѣчаетъ Петру, какъ слово отвѣчаетъ дѣйствію. Возвращаясь къ первобытной, христіанской и народной стихіи, особенно въ своихъ крайнихъ и одностороннихъ проявленіяхъ — въ презрѣніи къ наукѣ у Льва Толстого, въ презрѣніи къ „гнилому Западу“ у Достоевскаго, вся послѣдующая русская литература есть какъ бы измѣна тому началу міровой культуры, которое было завѣщано Россіи двумя одинокими и непонятыми русскими героями—Петромъ и Пушкинымъ.

Прежде всего, для Пушкина безпощадная воля Петра—явленіе отнюдь не менѣе народное, не менѣе русское, чѣмъ для Толстого смиренная покорность Богу въ Платонѣ Каратаевѣ или для Достоевскаго христіанская кротость въ Алешѣ Карамазовѣ. Потому-то видѣніе Мѣднаго Всадника, „чудотворца-исполина“, такъ и преслѣдовало воображеніе Пушкина, что въ Петрѣ онъ нашелъ наиболѣе полное исто-

рическое воплощеніе того героизма дохристіанскаго могущества русскихъ богатырей, которое поэтъ носилъ въ своемъ сердцѣ, выражалъ въ своихъ пѣсняхъ.

„Я утверждаю,—говоритъ Пушкинъ у Смирновой, — что Петръ былъ архирусскимъ человѣкомъ, несмотря на то, что сбрилъ свою бороду и надѣлъ голландское платье. Хомяковъ заблуждается, говоря, что Петръ думалъ, какъ нѣмецъ. Я спросилъ его на дняхъ, изъ чего онъ заключаетъ, что византійскія идеи Московскаго царства болѣе народны, чѣмъ идеи Петра“. Вопросъ ядовитый и опасный не только для такихъ романтиковъ старины, какъ Хомяковъ! Странно, что даже тѣ, кто глубже всѣхъ проникаетъ въ духъ пушкинской поэзіи, т.-е. Гоголь и Достоевскій, ослѣпленные одностороннимъ христіанствомъ, не видятъ или не хотятъ видѣть эту связь Пушкина съ Петромъ. А между тѣмъ безъ Петра не могло быть воплощенія русскаго созерцанія въ Пушкинѣ, безъ Пушкина Петръ не могъ быть понятъ, какъ высшее героическое явленіе русскаго духа.

Пушкинъ не закрываетъ глазъ на недостатки и несовершенства своего героя.

„Петръ былъ нетерпѣливъ,—говоритъ онъ въ замѣткѣ *о просвѣщеніи Россіи*, — ставъ главою новыхъ идей, онъ, можетъ-быть, далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ государства. Въ общее презрѣніе ко всему народному включена и народная поэзія, столь живо проявившаяся въ грустныхъ народныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и лѣтописяхъ“.

Но, съ другой стороны, безграничная сила, которая такъ легко, какъ бы играя, переступаетъ предѣлы возможнаго, историческаго, народнаго, даже человѣческаго, не кажется Пушкину однимъ изъ несовершенствъ героя. Искупаются-ли радостью великаго единаго страданія безчисленныхъ малыхъ?—Пушкинъ понимаетъ, что это вопросъ высшей мудрости. „Я роюсь въ архивахъ,—говоритъ Пушкинъ, — тамъ

ужасныя вещи, дѣйствительно много было пролито крови, но ужъ *рокъ велитъ варварамъ проливать ее* и исторія всего человѣчества залита кровью, начиная отъ Каина и до нашихъ дней. *Это, можетъ быть, неутѣшительно, но не для меня, такъ какъ я имѣю въ виду будущность...* Петръ былъ революціонеръ-гигантъ, *но это геній, какихъ нѣтъ*". Въ одномъ набраскѣ политической статьи 1831 года мы находимъ слѣдующія слова: „Pierre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon (la révolution incarnée)—Петръ есть въ одно и то же время Робеспьеръ и Наполеонъ (воплощенная революція)". Вѣроятно, съ этимъ проникновеннымъ замѣчаніемъ Пушкина согласились бы и Достоевскій, и Левъ Толстой. Но разница въ томъ, что оба они, подобно русскимъ старовѣрамъ, съ ужасомъ отшатнулись бы отъ этого смѣшенія Робеспьера и Наполеона, какъ отъ навожденія антихристова, тогда какъ Пушкинъ, несмотря на односторонность Петра, которую онъ понимаетъ не хуже всякаго другого, видитъ въ немъ не только возвѣстителя невѣдомаго міру могущества, скрытаго въ русскомъ народѣ, но и одного изъ величайшихъ всемірныхъ геніевъ.

Уже въ третьей пѣснѣ *Полтавы* Петръ является страшнымъ и благодатнымъ богомъ брани:

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло съ Богомъ"! Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
. . . .
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой...

Русскій богатырь напоминаетъ здѣсь того дельфійскаго

демона, который соблазняетъ отрока, бѣжавшаго отъ цѣломудренной Наставницы:

. . . . ликъ младой
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.

Это сходство въ описанiи русскаго героя и эллинскаго бога, конечно, несознательно, но и не случайно.

А вотъ въ томъ-же образѣ—милосердiе, прощенiе врагу. Милосердiе для героя—не жертва и страданiе, а новое веселiе, щедрость, избытокъ силы.

Что пируетъ царь великiй
Въ Петербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ-ли честью новой
Русскiй штыкъ иль русскiй флагъ?
Побѣжденъ-ли шведъ суровый?
Мира-ль проситъ грозный врагъ?
. . . .
Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

Подобно тому, какъ въ *Цыганахъ* съ наибольшею полнотою отразилась всепрощающая мудрость первобытныхъ людей, такъ противоположная сфера пушкинской поэзiи—обоготворенiе силы героя, воплотилась въ *Мѣдномъ Всадникѣ*. Это—послѣднее изъ великихъ произведенiй Пушкина: только по этому обломку недовершеннаго мiра можно судить, куда онъ шелъ, что погибло съ нимъ. „Петръ не успѣлъ довершить многое, начатое имъ,—говоритъ поэтъ,—онъ умеръ въ порѣ мужества, во всей силѣ творческой

своей дѣятельности, еще только въ полъ-ножны вложивъ побѣдительный свой мечъ". Эти слова могутъ относиться и къ самому Пушкину.

Здѣсь вѣчная противоположность двухъ героевъ, двухъ началъ—Тазита и Галуба, стараго Цыгана и Алеко, Татьяны и Онѣгина, взята уже не съ точки зрѣнія первобытной, христіанской, а новой героической мудрости. Съ одной стороны—малое счастье малаго—невѣдомаго коломенскаго чиновника, напоминающаго смиренныхъ героевъ Достоевскаго и Гоголя, простая любовь простого сердца; съ другой—сверхчеловѣческое видѣніе героя. Воля героя и возстаніе первобытной стихіи въ природѣ—наводненіе, бушующее у подножія Мѣднаго Всадника; воля героя и такое-же возстаніе первобытной стихіи въ сердцѣ человѣческомъ — вызовъ, брошенный въ лицо герою однимъ изъ безчисленныхъ, обреченныхъ на погибель этой волей,—вотъ смыслъ поэмы.

На потопленной площади, — тамъ, гдѣ надъ крыльцомъ „стоятъ два льва сторожевые, на звѣрѣ мраморномъ верхомъ, безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ, сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный, Евгеній".

Его отчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины
Вставали волны тамъ и злились,
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки... Боже, Боже! тамъ—
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почти у самаго залива—
Заборъ некрашенный, да ива
И ветхій домикъ: тамъ онѣ,
Вдова и дочь—его Параша,
Его мечта... Или во снѣ
Онъ это видитъ? Иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?

. . . .

И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

Какое дѣло гиганту до гибели невѣдомыхъ? Какое дѣло чудотворному строителю до крошечнаго ветхаго домика на взморьѣ, гдѣ живетъ Параша -- любовь смиреннаго коломенскаго чиновника? Воля героя умчитъ и пожретъ его, вмѣстѣ съ его малою любовью, съ его малымъ счастьемъ, какъ волны наводненія—слабую щепку. Не для того-ли рождаются безчисленные, равные, лишніе, чтобы по костямъ ихъ великіе избранники шли къ своимъ цѣлямъ? Пусть-же гибнущій покорится тому, „чьей волей роковой надъ моремъ городъ основался“:

Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ-ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?

Но что, если въ слабомъ сердцѣ ничтожнѣйшаго изъ ничтожныхъ, „дрожащей твари“. вышедшей изъ праха, — въ простой любви его откроется бездна не меньшая той, изъ которой родилась воля героя? Что если червь земли возмутится противъ своего бога? Неужели жалкія угрозы безумца достигнутъ до мѣднаго сердца гиганта и заставятъ его содрогнуться? Такъ стоятъ они вѣчно другъ противъ друга— малый и великій. Кто сильнѣе, кто побѣдитъ? Нигдѣ въ русской литературѣ два міровыхъ начала не сходились въ такомъ страшномъ столкновеніи:

Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ,
И взоры дикіе навелъ
На ликъ державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь; онъ мрачно сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ—
И, зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
„Добро, строитель чудотворный!"
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
„Ужо тебѣ"!... И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что грознаго царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось...

Смиренный самъ ужаснулся своего дерзновенія, той глубины возмущенія, которая открылась въ его сердцѣ. Но вызовъ брошенъ. Судъ малаго надъ великимъ произнесенъ: „Добро, строитель чудотворный!.. Ужо тебѣ!.."—это значитъ: мы слабые, малые, равные, идемъ на тебя, Великій, мы еще будемъ бороться съ тобой, и какъ знать — кто побѣдитъ? Вызовъ брошенъ, и спокойствіе „горделиваго истукана" нарушено, ибо онъ, въ самомъ дѣлѣ, еще не знаетъ, кто побѣдитъ. Мѣдный Всадникъ преслѣдуетъ безумца:

И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой,
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой—
И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ.

И во всю ночь безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

„Дрожащая тварь“ еще болѣе смирилась: теперь каждый разъ, какъ ему случится проходить мимо „горделиваго истукана“, въ лицѣ несчастнаго изображается смятеніе, онъ поспѣшно прижимаетъ руку къ сердцу, снимаетъ изношенный картузъ и, потупивъ глаза, идетъ сторонкой.

Поэма кончается послѣ ужаса привидѣнія неменьшимъ ужасомъ обыкновенной жизни:

Островъ малый
На взморьѣ виденъ. Иногда
Причалитъ съ неводомъ туда
Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
И бѣдный ужинъ свой варитъ;
Или чиновникъ посѣтитъ,
Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко ветхій. Надъ водою
Остался онъ, какъ черный кустъ—
Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего...
И тутъ-же хладный трупъ его
Похоронили, ради Бога.

Такъ погибъ вѣрный любовникъ Параши, одна изъ невидимыхъ жертъ воли героя. Но вѣщій бредъ безумца, слабый шопотъ его возмущенной совѣсти уже не умолкнетъ, не будетъ заглушенъ „подобнымъ грому грохотаньемъ“, тяжелымъ топотомъ Мѣднаго Всадника. Вся русская литература послѣ Пушкина будетъ демократическимъ и галилейскимъ возстаніемъ на того гиганта, который „надъ бездной Россію

вздернулъ на дыбы". Всѣ великіе русскіе писатели, не только явные мистики—Гоголь, Достоевскій, Левъ Толстой, но даже Тургеневъ и Гончаровъ — по наружности западники, по существу такіе же враги культуры,—будутъ звать Россію прочь отъ единственнаго русскаго героя, отъ забытаго и неразгаданнаго любимца Пушкина, вѣчно-одинокаго исполина на обледенѣлой глыбѣ финскаго гранита,—будутъ звать назадъ—къ материнскому лону русской земли, согрѣтой русскимъ солнцемъ, къ смиренію въ Богѣ, къ простотѣ сердца великаго народа-пахаря, въ уютную горницу старосвѣтскихъ помѣщиковъ, къ дикому обрыву надъ родимою Волгой, къ затишью дворянскихъ гнѣздъ, къ серафической улыбкѣ Идіота, къ блаженному „недѣланью" Ясной Поляны, — и всѣ они, всѣ до единаго, быть можетъ сами того не зная, подхватятъ этотъ вызовъ малыхъ великому, этотъ богохульный крикъ возмутившейся черни: „добро, строитель чудотворный! Ужо тебѣ!"

IV

Необходимымъ условіемъ всякаго творчества, которому суждено имѣть всемірно-историческое значеніе, является присутствіе и въ различныхъ степеняхъ гармоніи взаимодѣйствіе двухъ началъ—новаго мистицизма, какъ отреченія отъ своего *Я* въ Богѣ, и язычества, какъ обожествленія своего *Я* въ героизмѣ.

Только что средневѣковая поэзія достигаетъ всемірнаго значенія, какъ у самаго теологическаго изъ новыхъ поэтовъ—у Данте, чувствуется первое вѣяніе воскресшей языческой древности,—правда, лишь римской, не греческой, но латиняне для католиковъ всегда служили естественнымъ путемъ въ глубину язычества—къ эллинамъ. Вліяніе латинскаго міра сказывается у Данте не только въ образѣ воскресшаго мантуанскаго лебедя, нѣжнаго пѣвца *Энеиды* и *Георгикъ*, озареннаго во мракѣ ада первымъ лучемъ клас-

сическаго солнца, не только на идеѣ всемірной монархіи, представителями которой для флорентинскаго гибеллина были Цезарь и Александръ—два языческихъ полубога. Еще болѣе это вліяніе отразилось на образѣ главнаго, хотя и невидимаго, героя *Божественной Комедіи*—Законодателя и Судіи, Монарха вселенной, распредѣляющаго—въ чисто-римской безпощадной симметріи подземныхъ круговъ и небесныхъ іерархій—казни и награды, муки и блаженства.

Съ другой стороны, въ самомъ сердцѣ трагическаго героизма, среди кровавыхъ жертвоприношеній богу Пану и Діонису, среди страшныхъ гимновъ Року и Евменидамъ, мелькаютъ первые проблески еще безъимяннаго, но уже божественно-прекраснаго милосердія. Эти проблески, какъ искры глухо тлѣющаго подъ пепломъ огня, вспыхиваютъ нежданно, то здѣсь, то тамъ, на всемъ протяженіи грекоримскаго язычества. Рядомъ съ Эдипомъ, кровосмѣсителемъ, отцеубійцей—этимъ воплощеніемъ титанической гордыни и скорби, цѣломудренный образъ Антигоны, озаренный сіяніемъ чистѣйшей любви и милосердія. Рядомъ съ волшебницей Медеей, матерью, обагряющей руки въ крови дѣтей, видѣніе кроткой Алькестисъ, напоминающее легенды о христіанскихъ мученицахъ,—Алькестисъ, которая, исполняя еще не сказанную, но уже написанную Богомъ въ сердцѣ человѣка заповѣдь любви, отдаетъ жизнь свою за друзей своихъ. Подъ сводами древняго Аида свѣтлыя тѣни Алькестисъ и Антигоны полны такою-же ангельскою прелестью, какъ Маргарита и Беатриче въ сонмѣ небесныхъ видѣній. Быть можетъ, христіанское чувство всего прекраснѣе въ тѣ времена, когда, только что родившись изъ бездны трагической безнадежности, оно еще само себя не знаетъ, не умѣетъ назвать по имени.

Здѣсь и тамъ—въ языческой трагедіи и въ христіанской поэмѣ, два начала не только не уравновѣшиваютъ другъ друга, не примиряются, но одно изъ нихъ до такой степени

подчинено другому, подавлено и поглощено другимъ, что они еще не стремятся къ примиренію, даже не борются. У Данте ветхая паутина средневѣковой схоластики, уродливые ужасы теологическаго ада омрачаютъ первый ранній лучъ высшей мудрости. У греческихъ трагиковъ безнадежные вопли жертвъ Діониса, безпощадные гимны Року заглушаютъ первый ранній лепетъ божественной любви и милосердія.

Вотъ почему духъ Возрожденія (попытки котораго начались въ Италіи съ XIV вѣка и въ теченіи послѣднихъ пяти вѣковъ много разъ возобновлялись во всей Европѣ) выше, чѣмъ духъ эллинскаго и средневѣковаго міра. Духъ Возрожденія освободилъ язычество изъ-подъ гнета католицизма и въ то-же время освободилъ родники христіанскаго чувства изъ-подъ развалинъ и обломковъ язычества, схоластики и варварской латыни. Два міровыхъ начала въ первый разъ встрѣтились въ духѣ Возрожденія и вступили въ живое взаимодѣйствіе, въ борьбу, какъ два равноправныхъ, равносильныхъ бойца. Достижимо-ли полное примиреніе? Это—неразрѣшенный, быть можетъ даже неразрѣшимый, вопросъ будущаго.

Во всякомъ случаѣ, драгоцѣннѣйшими плодами усилій и бореній человѣчества, признаками подъема на вершины творчества, являются тѣ рѣдкія мгновенія, когда два міра достигаютъ хотя бы безсознательнаго и несовершеннаго примиренія, хотя бы неустойчиваго равновѣсія.

Пушкинъ первый доказалъ, что въ глубинѣ русскаго міросозерцанія скрываются великіе задатки будущаго Возрожденія—той духовной гармоніи, которая для всѣхъ народовъ является самымъ рѣдкимъ плодомъ тысячелѣтнихъ стремленій.

Съ этой точки зрѣнія становится вполнѣ ясной ошибка тѣхъ, которые ставятъ Пушкина въ связь не съ Гете, а съ Байрономъ. Правда, Байронъ увеличилъ силы Пушкина, но не иначе, какъ побѣжденный врагъ увеличиваетъ силы

побѣдителя. Пушкинъ поглотилъ Евфоріона, преодолѣлъ его крайности, его разладъ, претворилъ его въ своемъ сердцѣ, и устремился дальше, выше—въ тѣ ясныя сферы всеобъемлющей гармоніи, куда звалъ Гете и куда за Гете никто не имѣлъ силы пойти, кромѣ Пушкина.

Русскій поэтъ самъ сознавалъ себя гораздо ближе къ создателю *Фауста*, чѣмъ къ пѣвцу Донъ-Жуана. „Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостью,—пишетъ двадцатипятилѣтній Пушкинъ Вяземскому вскорѣ послѣ смерти Байрона,—въ своихъ трагедіяхъ, не исключая и *Каина*, онъ уже не тотъ пламенный демонъ, который создалъ *Гяура* и *Чильдъ-Гарольда.* Первыя двѣ пѣсни *Донъ-Жуана* выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнилась. Онъ весь созданъ былъ навыворотъ. *Постепенности въ немъ не было*; онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились“.

Въ разговорѣ со Смирновой Пушкинъ упоминаетъ о подражаніяхъ Мицкевича Байрону, какъ объ одномъ изъ его главныхъ недостатковъ. „Это—великій лирикъ,—замѣчаетъ Пушкинъ,—пожалуй еще слишкомъ въ духѣ Байрона онъ всегда болѣе меня поддавался его вліянію, онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ въ 1826 году“.

Вотъ какъ русскій поэтъ понимаетъ значеніе *Фауста:* „*Фаустъ* стоитъ совсѣмъ особо. Это послѣднее слово нѣмецкой литературы, это особый міръ, какъ *Божественная Комедія*; это—въ изящной формѣ альфа и омега человѣческой мысли со временъ христіанства“.

Въ критической замѣткѣ о Байронѣ Пушкинъ сравниваетъ *Манфреда* съ *Фаустомъ*: „англійскіе критики оспаривали у лорда Байрона драматическій талантъ; они, кажется, правы. Байронъ, столь оригинальный въ *Чайльдъ-Гарольдѣ*, въ *Гяурѣ* и *Донъ-Жуанѣ*, дѣлается подражателемъ, какъ только вступаетъ на поприще драмы. Въ *Manfred* онъ подражалъ *Фаусту*, замѣняя простонародныя

сцены и субботы другими, по его мнѣнію, благороднѣйшими. Но *Фаустъ* есть величайшее созданіе поэтическаго духа, служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ *Иліада* служитъ памятникомъ классической древности".

Пушкинъ не создалъ и, по условіямъ русской культуры, не могъ бы создать ничего равнаго *Фаусту*. Но у Гете, кромѣ этого внѣшняго историческаго, есть и великое внутреннее преимущество передъ русскимъ поэтомъ. Какъ ни ясна и ни проникновенна мысль Пушкина, она не озаряетъ всѣхъ безднъ его творчества. Художникъ въ немъ все-таки выше и сильнѣе мудреца. Пушкинъ самъ себя не зналъ и только смутно предчувствовалъ все неимовѣрное величіе своего генія. „Ты, Моцартъ,—богъ, и самъ того не знаешь". Отсутствіе болѣзненнаго разлада, который губитъ такихъ титановъ, какъ Байронъ и Микель Анжело, гармонія природы и культуры, всепрощенія и героизма, новаго мистицизма и язычества—въ Пушкинѣ естественный и непроизвольный даръ природы. Такимъ онъ вышелъ изъ рукъ Создателя. Онъ не сознàлъ и не выстрадалъ своей гармоніи.

То, что Пушкинъ смутно предчувствовалъ, Гете видѣлъ лицомъ къ лицу. Какъ ни великъ *Фаустъ*—замыселъ его еще больше, и весь этотъ необъятный замыселъ основанъ на сознаніи трагизма, вытекающаго изъ двойственности міра и духа, на сознаніи противоположности двухъ началъ:

Du bist dir nur einen Triebs bewust;
O lerne nie den andern kennen!
Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust,
Die eine will sich von der andern trennen;
Die eine hält; in derber Liebeslust,
Sich an die Welt mit klammernden Organen:
Die andre hebt gewaltsam sich vom Dust
Zu den Gefilden hoher Ahnen.

Изъ этого разлада двухъ стихій—„*двухъ душъ, живущихъ въ одной груди*", возникаетъ двойникъ Фауста, самый

страшный изъ демоновъ—Мефистофель. Борьба Отца Свѣтовъ съ духомъ тьмы, борьба этихъ вѣчныхъ враговъ въ сердцѣ человѣка, неутолимо-жаждущемъ единства,—таковъ смыслъ трагедіи Гете. Небо и адъ, благословенія ангеловъ и проклятья демоновъ, христіанская мученица любви Маргарита и языческая героиня Елена, духъ сѣверной готики и духъ эллинской древности, сладострастныя вѣдьмы на Брокенѣ и священные призраки умершихъ боговъ надъ Ѳессалійскою равниною, самоубійство мудреца, достигшаго предѣла знаній, и дѣтская радость пасхальныхъ колоколовъ, поющихъ „Христосъ Воскресе“;—отъ начала до конца во всей поэмѣ стихія возстаетъ на стихію, міръ борется съ міромъ—и надъ всѣмъ вѣетъ духъ гармоніи, духъ творца поэмы.

Пушкинъ менѣе сознателенъ, но за то, съ другой стороны, ближе къ сердцу природы. Пушкинъ не боится своего демона, не заковываетъ его въ разсудочныя цѣпи, онъ борется и побѣждаетъ, давая ему полную свободу. Осторожный Гете рѣдко или почти никогда не подходитъ къ неостывшей лавѣ хаоса, не спускается въ глубину первобытныхъ страстей, надъ которой только двое изъ новыхъ поэтовъ—Шекспиръ и Пушкинъ, дерзаютъ испытывать примиряющую власть гармоніи. По силѣ огненной страстности авторъ *Египетскихъ ночей* и *Скупого рыцаря* приближается къ Шекспиру; по безупречной, кристаллической правильности и прозрачности формы Пушкинъ родственнѣе Гете. У Шекспира слишкомъ часто расплавленный, кипящій металлъ отливается въ гигантскую, но наскоро слѣпленную форму, которая даетъ трещины. Въ поэзіи Шекспира, какъ и Байрона, сказывается одинъ отличительный признакъ англосаксонской крови—любовь къ борьбѣ для борьбы, природа неукротимыхъ атлетовъ, чрезмѣрное развитіе мускуловъ, сангвиническая риторика. Пушкинъ одинаково чуждъ и огненной риторики страстей и ледяной риторики разсудка. Если бы его

геній достигъ полнаго развитія,—кто знаетъ?—не указалъ-ли бы русскій поэтъ до сихъ поръ не открытые пути къ къ художественному идеалу будущаго—къ высшему синтезу Шекспира и Гете. Но и такъ, какъ онъ есть,—по совершенному равновѣсію содержанія и формы, по сочетанію вольной, творящей силы природы съ безукоризненной сдержанностью и точностью выраженій, доведенной почти до математической краткости, Пушкинъ, послѣ Софокла и Данте,—единственный изъ міровыхъ поэтовъ.

Повидимому, явленія столь гармоническія, какъ Пушкинъ и Гете, предрекали искусству XIX вѣка новое Возрожденіе, новую попытку примиренія двухъ міровъ, которое начато было итальянскимъ Возрожденіемъ XV вѣка. Но этимъ предзнаменованіямъ не суждено было исполниться: уже Байронъ нарушилъ гармонію поэта-олимпійца, и потомъ, шагъ за шагомъ, XIX вѣкъ все обострялъ, все углублялъ разладъ, чтобы дойти, наконецъ, до послѣднихъ предѣловъ напряженія—до небывалаго, безобразнаго противорѣчія двухъ началъ въ лицѣ безумнаго язычника Фридриха Ничше и, быть можетъ, не менѣе безумнаго галилеянина Льва Толстого. Многозначительно и то обстоятельство, что эти представители разлада конца XIX вѣка явились въ отечествѣ Гете и въ отечествѣ Пушкина, т.-е. именно у тѣхъ двухъ молодыхъ сѣверныхъ народовъ, которые въ началѣ вѣка сдѣлали попытку новаго Возрожденія. Какъ это ни странно, но Ничше—родной сынъ Гете, Левъ Толстой—родной сынъ Пушкина. Авторъ *Jenseits von Gut und Böse* довелъ олимпійскую мудрость Гете до такой-же заостренной вершины и обрыва въ бездну, какъ авторъ *Царствія Божія* галилейскую мудрость Пушкина.

Русская литература не случайными порывами и колебаніями, а выводъ за выводомъ, ступень за ступенью, неотвратимо и діалектически правильно, развивая одну сферу пушкинской гармоніи и умерщвляя другую, дошла наконецъ

до самоубійственной для всякаго художественнаго развитія односторонности Льва Толстого.

Гоголь, ближайшій изъ учениковъ Пушкина, первый понялъ и выразилъ значеніе его для Россіи. Въ своихъ лучшихъ созданіяхъ—въ *Ревизорѣ* и *Мертвыхъ душахъ*, Гоголь исполняетъ замыслы, внушенные ему учителемъ. Въ исторіи всѣхъ литературъ трудно найти примѣръ болѣе тѣсной преемственности. Гоголь прямо черпаетъ изъ Пушкина—этого родника русскаго искусства. И что-же? Исполнилъ-ли ученикъ завѣтъ своего учителя? Гоголь первый измѣнилъ Пушкину, первый сдѣлался жертвой великаго разлада, первый испыталъ приступы болѣзненнаго мистицизма, который не въ немъ одномъ долженъ былъ подорвать силы творчества.

Трагизмъ русской литературы заключается въ томъ, что, съ каждымъ шагомъ все болѣе и болѣе удаляясь отъ Пушкина, она вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ себя вѣрною хранительницею пушкинскихъ завѣтовъ. У великихъ людей нѣтъ болѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ ближайшіе ученики—тѣ, которые возлежатъ у сердца ихъ, ибо никто не умѣетъ съ такимъ невиннымъ коварствомъ, любя и благоговѣя, искажать истинный образъ учителя.

Тургеневъ и Гончаровъ дѣлаютъ добросовѣстныя попытки вернуться къ спокойствію и равновѣсію Пушкина. Если не сердцемъ, то умомъ понимаютъ они героическое дѣло Петра, чужды славянофильской гордости Достоевскаго, и сознательно, подобно Пушкину, преклоняются передъ западной культурой. Тургеневъ является въ нѣкоторой мѣрѣ законнымъ наслѣдникомъ пушкинской гармоніи и по совершенной ясности архитектуры, и по нѣжной прелести языка.

Но это сходство поверхностно и обманчиво. Попытка не удалась ни Тургеневу, ни Гончарову. Чувство усталости и пресыщенія всѣми культурными формами, буддійская нирвана Шопенгауэра, художественный нигилизмъ Флобера го-

раздо ближе сердцу Тургенева, чѣмъ героическая мудрость Пушкина. Въ самомъ языкѣ Тургенева, слишкомъ мягкомъ, женоподобномъ и гибкомъ, уже нѣтъ пушкинскаго мужества, его силы и простоты. Въ этой чарующей мелодіи Тургенева то и дѣло слышится пронзительная, жалобная нота, подобная звуку надтреснутаго колокола, признакъ углубляющагося душевнаго разлада—страхъ жизни, страхъ смерти, которые впослѣдствіи Левъ Толстой доведетъ до послѣднихъ предѣловъ. Тургеневъ создаетъ безконечную галлерею, по его мнѣнію, истинно русскихъ героевъ, т.-е. героевъ слабости, калѣкъ, неудачниковъ. Онъ окружаетъ свои „живыя мощи" ореоломъ той самой галилейской поэзіи, которой окружены образы Татьяны, Тазита, стараго цыгана. Онъ достигаетъ наивысшей степени доступнаго ему вдохновенія, показывая преимущества слабости передъ силой, малаго передъ великимъ, смиреннаго передъ гордымъ, добродушнаго безумія Донъ-Кихота передъ злою мудростью Гамлета. У Тургенева единственный сильный русскій человѣкъ—нигилистъ Базаровъ. Конечно, авторъ *Отцовъ и Дѣтей* настолько объективный художникъ, что относится къ своему герою безъ гнѣва и пристрастія, но онъ все-таки не можетъ простить ему силы. Поэтъ какъ будто говоритъ намъ, указывая на Базарова и не замѣчая, что это вовсе не герой, а такой-же недоносокъ, неудачникъ, какъ его „лишніе люди", ничего не создающій, обреченный на гибель: „вы хотѣли видѣть сильнаго русскаго человѣка—вотъ вамъ сильный! Смотрите-же, какая узость и ограниченность воли, направленной на разрушеніе; какая грубость и неуклюжесть передъ нѣжною тайною любви; какое ничтожество передъ величіемъ смерти. Вотъ чего стоятъ ваши герои, ваши русскіе сильные люди!" Если бы иностранецъ повѣрилъ Гоголю, Тургеневу, Гончарову, то русскій народъ долженъ бы представиться ему народомъ единственнымъ въ исторіи, отрицающимъ самую сущность героической воли. Если бы глубина русскаго духа

исчерпывалась *только* христіанскимъ смиреніемъ, *только* самопожертвованіемъ, то откуда эта „божія гроза“, это великолѣпіе, этотъ избытокъ удачи, воли, веселія, которые чувствуются въ Петрѣ и въ Пушкинѣ? Какъ могли возникнуть эти два явленія безмѣрной красоты, безмѣрной любви къ жизни въ странѣ буддійскаго нигилизма и жалости, въ странѣ „мертвыхъ душъ“ и „живыхъ мощей“, въ силоамской купели калѣкъ и разслабленныхъ?

Гончаровъ пошелъ еще дальше по этому опасному пути. Критики видѣли въ *Обломовѣ* сатиру, поученіе. Но романъ Гончарова страшнѣе всякой сатиры. Для самого поэта въ этомъ художественномъ синтезѣ русскаго безсилія и „*недѣланья*“ нѣтъ ни похвалы, ни порицанія, а есть только полная правдивость, изображеніе русской дѣйствительности. Въ свои лучшія минуты Обломовъ, книжный мечтатель, неспособный къ слишкомъ грубой человѣческой жизни, съ младенческой ясностью и цѣломудріемъ своего глубокаго и простого сердца, окруженъ такимъ-же ореоломъ тихой поэзіи, какъ „живыя мощи“ Тургенева. Гончаровъ, можетъ быть, и хотѣлъ-бы, но не умѣетъ быть несправедливымъ къ Обломову, потому что онъ его любитъ, онъ навѣрное хочетъ, но не умѣетъ быть справедливымъ къ Штольцу, потому что онъ въ тайнѣ его ненавидитъ. Нѣмецъ-герой (создать русскаго героя онъ и не пытается—до такой степени подобное явленіе кажется ему противоестественнымъ) выходитъ мертвымъ и холоднымъ. Искусство обнаруживаетъ то сокровенное, что поэтъ чувствуетъ, не смѣя выразить: не въ тысячу ли разъ благороднѣе отреченіе отъ жестокой жизни милаго героя русской лѣни, чѣмъ прозаическая суета героя нѣмецкой дѣловитости? Отъ Наполеона, Байрона, Мѣднаго Всадника—до маленькаго, буржуазнаго нѣмца, до неуклюжаго семинариста, уѣзднаго демона-искусителя, Марка Волохова,—какая печальная метаморфоза пушкинскаго полубога!

Но это еще не послѣдняя ступень. Гоголь, Тургеневъ,

Гончаровъ кажутся писателями полными уравновѣшенности и здоровья по сравненію съ Достоевскимъ и Львомъ Толстымъ. Безъ того уже захудалые и полумертвые русскіе герои, русскіе сильные люди — Базаровъ и Маркъ Волоховъ, оживутъ еще разъ въ лицѣ Раскольникова, Ивана Карамазова, въ уродливыхъ видѣніяхъ „бѣсовъ“, чтобы подвергнуться послѣдней казни, самой утонченной адской пыткѣ въ страшныхъ рукахъ этого демона жалости и мучительства—великаго инквизитора Достоевскаго.

Насколько онъ сильнѣе и правдивѣе Тургенева и Гончарова! Достоевскій не скрываетъ своей дисгармоніи, не обманываетъ ни себя, ни читателя, не дѣлаетъ тщетныхъ попытокъ возстановить нарушенное равновѣсіе пушкинской формы. А между тѣмъ онъ цѣнитъ и понимаетъ гармонію Пушкина проникновеннѣе, чѣмъ Тургеневъ и Гончаровъ,— онъ любитъ Пушкина, какъ самое недостижимое, самое противоположное своей природѣ, какъ смертельно-больной здоровье,—любитъ и уже болѣе не стремится къ нему.

Литературную форму эпоса авторъ *Братьевъ Карамазовыхъ* уродуетъ, насилуетъ, превращаетъ въ орудіе психологической пытки. Трудно повѣрить, что языкъ, который еще обладаетъ весеннею свѣжестью и цѣломудренной ясностью у Пушкина, такъ переродился, чтобы служить для изображенія мрачныхъ кошмаровъ Достоевскаго.

Послѣдовательнѣе Тургенева и Гончарова Достоевскій еще и въ другомъ отношеніи: онъ не скрываетъ своей славянофильской гордости, не заигрываетъ съ культурою Запада. Эллинская красота кажется ему Содомомъ, римская сила—царствомъ Антихриста. Чему можетъ научиться смиренная, юная, богоносная Россія у гордаго, дряхлаго, безбожнаго Запада? Не русскому народу стремиться къ идеалу Запада, т.-е. къ всемірному язычеству, а Западу—къ идеалу русскаго народа, т.-е. къ всемірному христіанству. Ясно, что здѣсь между Достоевскимъ и Пушкинымъ существуетъ глу-

бокое недоразумѣніе. У Смирновой на утвержденіе Хомякова, будто у русскихъ больше христіанской любви, чѣмъ на Западѣ, Пушкинъ отвѣчаетъ съ нѣкоторою досадою: „можетъ быть; я не мѣрилъ количества братской любви ни въ Россіи, ни на Западѣ, но знаю, что тамъ явились основатели братскихъ общинъ, которыхъ у насъ нѣтъ. А они были бы намъ полезны“. Или, другими словами, Пушкину представляется непонятнымъ, почему Россія, у которой былъ Иванъ Грозный, ближе къ идеалу царствія Божія, чѣмъ Западъ, у котораго былъ Францискъ Ассизскій. Здѣсь Пушкинъ возражаетъ не только Хомякову, но и Достоевскому: „если мы ограничимся—прибавляетъ онъ далѣе—своимъ русскимъ колоколомъ, мы ничего не сдѣлаемъ для человѣческой мысли и создадимъ только „приходскую литературу“. Очевидно, пожелай только Достоевскій понять Пушкина до глубины, и—кто знаетъ—не оказалась-ли бы цѣлая сторона его поэзіи нерусской, враждебной, зараженной языческими вѣяньями Запада.

Тѣмъ не менѣе, какъ художникъ, онъ ближе къ Пушкину, чѣмъ Тургеневъ и Гончаровъ. Это единственный изъ русскихъ писателей, который воспроизводитъ *сознательно* борьбу двухъ міровъ. Великая душа Достоевскаго—какъ бы поле сраженія, потрясаемое, окровавленное, полное скрежетомъ и воплями раненыхъ,—поле, на которомъ сошлись два непримиримыхъ врага. Кто побѣдитъ? Никто никогда. Эта борьба безъисходна. На чьей сторонѣ поэтъ? Мы знаемъ только, на чьей сторонѣ онъ хочетъ быть. Но именно въ тѣ мгновенія, когда болѣе всего довѣряешь его христіанскому смиренію,—гдѣ-нибудь, въ темномъ опасномъ углу психологическаго лабиринта, съ авторомъ происходитъ вдругъ что-то неожиданное: сквозь смиреніе мученика мелькаетъ неистовая гордыня дьявола, сквозь жалость и цѣломудріе страстотерпца сладострастная жестокость дьявола. Пушкинская благодатная гармонія превратилась здѣсь въ уродливое безуміе, въ эпилептическіе припадки демонизма.

Казалось бы — вотъ предѣлъ, дальше котораго идти некуда. Но Левъ Толстой доказалъ, что можно пойти и дальше по той-же дорогѣ.

Достоевскій до послѣдняго вздоха страдалъ, мыслилъ, боролся, и умеръ, не найдя того, чего онъ больше всего искалъ въ жизни,—душевнаго успокоенія. Левъ Толстой уже болѣе не ищетъ и не борется, или, по крайней мѣрѣ, хочетъ увѣрить себя и другихъ, что ему не съ чѣмъ бороться, нечего искать. Это спокойствіе, это молчаніе и окаменѣніе цѣлаго подавленнаго міра, нѣкогда свободнаго и прекраснаго, съ теперешней точки зрѣнія его творца, до глубины языческаго и преступнаго, — міра, который величественно развивался передъ нами въ *Аннѣ Карениной*, въ *Войнѣ и Мирѣ*,— эта тишина *Царствія Божія*, производитъ впечатлѣніе болѣе жуткое, болѣе тягостное, чѣмъ вѣчная агонія Достоевскаго. Конечно, и Левъ Толстой не сразу, не безъ мучительныхъ усилій, достигъ послѣдняго покоя, послѣдней побѣды надъ язычествомъ. Но уже въ *Войнѣ и Мирѣ*, въ *Аннѣ Карениной* мы присутствуемъ при очень странномъ явленіи: двѣ стихіи соприкасаются, не сливаясь, какъ два теченія одной рѣки. Тамъ, гдѣ язычество, — все жизнь и страсть, роскошь и яркость тѣлесныхъ ощущеній. Внѣ добра и зла, какъ будто никогда и не существовало добра и зла, съ младенческимъ и божественнымъ неумѣніемъ стыдиться, скрывать наготу своего сердца, поэтъ выражаетъ жадную любовь ко всему смертному, преходящему—любовь къ этому великому волнующемуся океану матеріи, ко всему, что съ христіанской точки зрѣнія должно-бы казаться суетнымъ и грѣшнымъ—къ здоровью, родинѣ, славѣ, женщинѣ, дѣтямъ. Здѣсь вся гамма физическихъ наслажденій, переданная съ безстрашною откровенностью, какой не бывало еще ни въ одной литературѣ: ощущеніе мускульной силы, прелесть полевой работы на свѣжемъ воздухѣ, нѣга дѣтскаго сна, упоеніе первыми играми, весельемъ юношескихъ пировъ, спо-

койнымъ мужествомъ въ битвахъ, безмолвіемъ вѣчной природы, душистымъ холодомъ русскаго снѣга, душистою теплотою глубокихъ лѣтнихъ травъ. Здѣсь вся гамма физическихъ болей, переданная съ такою-же неумолимою откровенностью, иногда доходящею до цинической грубости: начиная отъ звѣринаго крика любимой женщины, умирающей въ мукахъ родовъ, до страшнаго хрустящаго звука, когда у лошади, скачущей въ ипподромѣ, ломается спинной хребетъ. Какое безпредѣльное упоеніе чувственностью! И какъ могъ онъ самъ, какъ могли другіе повѣрить холодному, разсудочному христіанству, какъ не узнали въ немъ великаго, сокровеннаго язычника? Ребенокъ, свѣжій и радостный въ объятіяхъ матери; Иванъ Ильичъ полусгнившій на своей страшной постели; цвѣтущая и сладострастная Анна Каренина — всюду плоть, всюду языческая душа плоти, та изъ двухъ борющихся душъ, о которой Гете говоритъ:

Die eine hält in derber Liebeslust
Sich an die Welt mit klammernden Organen.

И въ тѣхъ-же произведеніяхъ уродливо и оскорбительно выступаютъ наружу части, не соединенныя никакою внутреннею связью съ художественною тканью произведенія, какъ будто написанныя другимъ человѣкомъ. Это — убійственное резонерство Пьера Безухова, дѣтски-неуклюжія и неестественныя христіанскія перерожденія Константина Левина. Въ этихъ мертвыхъ страницахъ могучая плотская жизнь, которая только что била ключемъ, вдругъ замираетъ. Самый языкъ, который уже достигалъ пушкинской простоты и ясности, сразу мѣняется: какъ будто мрачный аскетъ мститъ ему за недавнюю откровенность—безпощадно насилуетъ, ломаетъ, растягиваетъ и втискиваетъ въ прокустово ложе многоэтажныхъ запутанныхъ силлогизмовъ. „Двѣ души", соединенныя въ Пушкинѣ, борющіяся въ Гоголѣ, Гончаровѣ, Тургеневѣ, Достоевскомъ, совершенно покидаютъ другъ друга,

разлучаются въ Толстомъ, такъ что одна уже не видитъ, не слышитъ, не отвѣчаетъ другой.

Слабость Льва Толстого заключается въ его безсознательности—въ томъ, что онъ язычникъ не свѣтлаго, героическаго типа, а темнаго, варварскаго. сынъ древняго хаоса, *слѣпой титанъ*. Малый, смиренный пришелъ и разставилъ великому хитрую западню—страхъ смерти, страхъ боли; слѣпой титанъ попался, и смиренный опуталъ его тончайшими сѣтями нравственныхъ софизмовъ и галилейской жалости, обезсилилъ и побѣдилъ. Еще нѣсколько мучительныхъ содроганій, отчаянныхъ бореній, порывовъ—и все навѣки замолкло, замерло, наступила тишина *Царствія Божія*. Только изрѣдка, сквозь монашескіе гимны и молитвы, сквозь ледяныя пуританскія рѣчи о куреніи табаку, о братствѣ народовъ, о сѣченіи розгами, о цѣломудріи,— доносится изъ глубины подземный гулъ, глухіе раскаты: это голосъ слѣпого титана, неукротимаго хаоса—языческой любви къ тѣлесной жизни и наслажденіямъ, языческаго страха тѣлесной боли и смерти.

Левъ Толстой есть антиподъ, совершенная противоположность и отрицаніе Пушкина въ русской литературѣ. И, какъ это часто бываетъ, противоположности обманываютъ поверхностныхъ наблюдателей внѣшними сходствами. И у Пушкина и у теперешняго Льва Толстого—единство, равновѣсіе, примиреніе. Но единство Пушкина основано на гармоническомъ соединеніи двухъ міровъ; единство Льва Толстого—на полномъ разъединеніи, разрывѣ, насиліи, совершенномъ надъ одной изъ двухъ равно великихъ, равно божественныхъ стихій. Спокойствіе и тишина Пушкина свидѣтельствуютъ о полнотѣ жизни; спокойствіе и тишина Льва Толстого—объ окаменѣлой неподвижности, омертвѣніи цѣлаго міра. Въ Пушкинѣ мыслитель и художникъ сливаются въ одно существо; у Льва Толстого мыслитель презираетъ художника, художнику дѣла нѣтъ до мыслителя. Цѣломудріе

Пушкина предполагаетъ сладострастіе, подчиненное чувству красоты и мѣры; цѣломудріе Льва Толстого вытекаетъ изъ безумнаго аскетическаго отрицанія любви къ женщинѣ. Надежда Пушкина—также какъ Петра Великаго—участіе России въ міровой жизни духа, въ міровой культурѣ; но для этого участія ни Пушкинъ, ни Петръ не отрекаются отъ родной стихіи, отъ особенностей русскаго духа. Левъ Толстой, анархистъ безъ насилія, проповѣдуетъ сліяніе враждующихъ народовъ во всеміріномъ братствѣ; но для этого братства онъ отрекается отъ любви къ родинѣ, отъ той ревнивой нѣжности, которая переполняла сердце Пушкина и Петра. Онъ съ безпощадною гордыней презираетъ тѣ особенныя, слишкомъ для него страстныя черты отдѣльныхъ народовъ, которыя онъ желалъ бы слить, какъ живые цвѣта радуги, въ одинъ мертвый бѣлый цвѣтъ—въ космополитическую отвлеченность.

Многознаменательно, что величайшее изъ произведеній Льва Толстого развѣнчиваетъ то послѣднее воплощеніе героическаго духа въ исторіи, въ которомъ недаромъ находили неотразимое обаяніе всѣ, кто въ демократіи XIX вѣка сохранилъ искру прометеева огня—Байронъ, Гете, Пушкинъ, даже Лермонтовъ и Гейне. Наполеонъ превращается въ *Войнѣ и Мирѣ* даже не въ нигилиста-Раскольникова, даже не въ одного изъ чудовищныхъ „бѣсовъ" Достоевскаго, все-таки окруженныхъ ореоломъ ужаса, а въ маленькаго пошлаго проходимца, мѣщански самодовольнаго и прозаическаго, надушеннаго одеколономъ, съ жирными ляжками обтянутыми лосиною, съ мелкою и грубою душою французскаго лавочника, въ комическаго генерала Бонапарта московскихъ лубочныхъ картинъ. Вотъ когда достигнута послѣдняя ступень въ бездну. вотъ когда некуда дальше идти, ибо здѣсь духъ черни, духъ торжествующей пошлости кощунствуетъ надъ Духомъ Божіимъ, надъ благодатнымъ и страшнымъ явленіемъ героя. Самый пронырливый и современный изъ бѣсовъ—бѣсъ ра-

венства, бѣсъ малыхъ, безчисленныхъ, имя которому „легіонъ“, поселился въ послѣднемъ великомъ художникѣ, въ слѣпомъ титанѣ, чтобы громовымъ его голосомъ крикнуть на весь міръ: „смотрите, вотъ вашъ герой, вашъ богъ,—*онъ малъ, какъ мы, онъ мерзокъ, какъ мы*“.

Всѣ поняли Толстого, всѣ приняли этотъ лозунгъ черни! Не Пушкинъ, а Толстой--представитель русской литературы передъ лицомъ всемірной толпы. Толстой — побѣдитель Наполеона, самъ Наполеонъ безчисленной демократической арміи малыхъ, жалкихъ, скорбящихъ и удрученныхъ. Съ Толстымъ спорятъ, его ненавидятъ и боятся: это признакъ, что слава его живетъ и растетъ. Слава Пушкина становится все академичнѣе и глуше, все непонятнѣе для толпы. Кто споритъ съ Пушкинымъ, кто знаетъ Пушкина въ Европѣ не только по имени? У насъ со школьной скамьи его твердятъ наизусть, и стихи его кажутся такими-же холодными и ненужными для дѣйствительной русской жизни, какъ хоры греческихъ трагедій или формулы высшей математики. Всѣ готовы почтить его мертвыми устами, мертвыми лаврами,—кто почтитъ его духомъ и сердцемъ? Толпа покупаетъ себѣ признаніемъ великихъ право ихъ незнанія, мститъ слишкомъ благороднымъ врагамъ своимъ могильною плитою въ академическомъ Пантеонѣ, забвеніемъ въ славѣ. Кто повѣрилъ бы, что этотъ богъ учителей русской словесности не только современнѣе, живѣе, но съ буржуазной точки зрѣнія и опаснѣе, дерзновеннѣе Льва Толстого? Кто повѣрилъ бы, что безукоризненно-аристократическій Пушкинъ, пѣвецъ Мѣднаго Всадника, ближе къ сердцу русскаго народа, чѣмъ глашатай всемірнаго братства, безпощадный пуританинъ въ полушубкѣ русскаго мужика?

Нашелся одинъ русскій человѣкъ, сердцемъ понявшій героическую сторону Пушкина. Это — не Лермонтовъ съ его страстнымъ, но слабымъ и риторичнымъ надгробнымъ панегирикомъ; не Гоголь, усмотрѣвшій оригинальность Пушкина

въ его русской стихійной безличности; не Достоевскій, который хотѣлъ на этой безличности основать новое всемірное братство народовъ. Это — воронежскій мѣщанинъ, прасолъ, не въ символическомъ, а въ настоящемъ мужицкомъ полушубкѣ. Для Кольцова Пушкинъ — послѣдній русскій богатырь. Не христіанское смиреніе и покорность, не „безпорывная" кротость русской природы — народнаго пѣвца въ Пушкинѣ плѣняетъ избытокъ радостной жизни, „сила гордая, доблесть царская":

У тебя-ль, было,
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная.
У тебя-ль, было,
Дни—роскошество,
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются.
У тебя-ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ,—
Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ, холодомъ,
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ!
„Держи около!"
Закружитъ она,
Разыграется,—
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься;
Встрепенувшися,
Разбушуешься,—
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...
Буря всплачется

Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море.

И символизмъ пьесы вдругъ необъятно расширяется, дѣлается пророческимъ: кажется, что пѣвецъ говоритъ уже не о случайной смерти поэта отъ пули Дантеса, а о болѣе трагической, теперешней смерти Пушкина въ самомъ сердцѣ, въ самомъ духѣ русской литературы:

Гдѣ-жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился;
Одичалъ, замолкъ,—
Только, въ непогодь,
Воешь жалобу
На безвременье...
Такъ-то темный лѣсъ,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.
Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Въ настоящее время мы переживаемъ эту „черную осень“, этотъ невидимый ущербъ,— убыль пушкинскаго духа въ нашей литературѣ.

КОНЕЦЪ

Пименова, Э.

Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Съ 10 портретами. 1904 г. **2** р. (**№ 6**).

Рожковъ, Н., приватъ-доцентъ Московскаго Университета и преподаватель Прак ской Академіи коммерческихъ наукъ.

Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для с образованія. Спб. 1904 г. **1** р. **10** к. (**№ 15**).

Тэнъ, И.

Происхожденіе современной Франціи. Перев. съ франц. (**№ 10**) [печатает

Файфъ, Ч.

Исторія Европы XIX вѣка. Перев. со второго англійскаго изданія *М. В.* *чицкой* подъ редакціей проф. *И. В. Лучицкаго.* Одобрена для у ническихъ библіотекъ среднеучебныхъ заведеній (1-е полненіе каталога учебн. библіотекъ средн. уч. заведе 1897 г., № 496). Съ 2 раскрашенными картами Европы и алфа нымъ указателемъ именъ. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. **5** р. **50** к. (**№ 8**

Франке, Куно.

Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ (Съ V вѣка до настоящаго времени). Съ 39 портретами. Перев съ англ. *П. Батина.* Спб. 1904 г. **3** р. (**№ 9**).

Эндрузъ, Веньяминъ.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861 — 62 г **до нашихъ дней.** Переводъ съ англійскаго *Е. А. Гурвичъ.* Спб. 190 **2** р. **50** к. (**№ 17**).

II. Изящная литература, исторія, критика и публицисти

Бѣлозерскій, Н. (Ив. Порошинъ).

Записки учителя. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1905 г. **75** к.

*Мельхіоръ де-***Вогюэ.**

Максимъ Горькій. Произведенія и личность писатепя. Съ портрето Переводъ А. Б. Ф. Спб. 1902 г. **25** к.

Горинъ, Н.

Основныя идеи произведеній Максима Горькаго. Съ портретомъ. Спб. 1902 г. 3

Гуревичъ, Л.

„Сѣдокъ" и другіе разсказы. Спб. 1904 г. **1** р. **50** к.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ).

„Встрѣчи и воспоминанія". Изъ литературнаго и военнаго міра. Спб. 190 **1** р. **75** к.

Лемке, Мих. **Думы журналиста.** Спб. 1903 г. **1** р. **25** к.

Мережковскій, Д. С.

Грядущій Хамъ. Спб. 1906 г. **1** р.

Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пасту и пастушки на островѣ Лезбосѣ. 2-е изд. Спб. 1904 г. **1** р. **25** к.

Л. Толстой и Достоевскій. Т. I. Спб. 1903 г. **2** р. — Т. II. Спб. 1903 г. 3

Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV в. 2-е изд. Спб. 190 **1** р. **25** к.

Петръ и Алексѣй. Историческій романъ. Спб. 1905 г. **3** р.

Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго. Спб. 190 **1** р. **25** к.

Морсье, де-, А.

Права женщины. Вопросы соціальнаго воспитанія. Переводъ съ фра Эльтъ. Спб. 1904 г. **50** к.

и друг.

Выписывающіе изъ Склада за пересылку не платятъ.—Ката логъ высылается за 7-микоп. марку по первому требовані